

ДАНИЭЛА СТИЛ

Колесо судьбы

Даниэла Стил Колесо судьбы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=122977
Даниэла Стил. Колесо судьбы: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-38698-7
Оригинал: DanielleSteel, "Full Circle"
Перевод:
Н. Липовская
Н. Солнцева

Аннотация

Жизнь умной, талантливой, красивой женщины Таны Робертс не была усыпана розами, она всего добилась сама. Друзья, интересная работа, внимание мужчин... Она полагала, что ей этого вполне достаточно.

Но вот в ее судьбе появляется человек, наполнивший ее жизнь новым смыслом. Он станет другом, мужем, возлюбленным, и с ним она наконец обретет то женское счастье, которое считала для себя недоступным.

Содержание

Часть I	4
Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	33
Глава 5	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Даниэла Стил

Колесо судьбы

Часть I

РАННИЕ ГОДЫ

Глава 1

Промозглым декабрьским вечером Эндрю Робертс торопливо шагал в сторону дома, расположенного в восточной части города. Дул холодный ветер, и Эндрю поднял воротник пальто, размышляя над тем, как отнесется к новости Джин. Два дня назад он окончательно принял решение и поставил свою подпись на бумагах, не испытывая никаких сомнений, но, когда пришел домой и взглянул в лицо жены, слова застряли у него в горле. Однако пути назад не было. Сегодня уже вторник, и он должен ей сказать, что в субботу уезжает в Сан-Диего. Обязан сказать.

Когда Эндрю поднимался по ступеням переднего крыльца небольшого дома, построенного из железистого песчаника, над его головой прогремел поезд надземной железной дороги, проложенной по Третьей авеню. Они жили здесь меньше года, но шум от проходящих поездов уже стал привычным. Поначалу внезапный грохот приводил их в смятение по вечерам, когда они сидели, тесно обнявшись, в гостиной или забавлялись, лежа в кровати. Их немудреная утварь дрожала и гремела, когда по эстакаде пронесся поезд, но теперь они не обращали на это внимания. Энди полюбил свою крохотную квартирку, которую Джин содержала в идеальном порядке. Иногда она вставала в пять часов, чтобы испечь ему домашние пирожки с черникой и успеть навести чистоту перед уходом на работу. Она оказалась чудесной хозяйкой, даже лучше, чем можно было ожидать.

С этой мыслью он вставил ключ в замочную скважину. На площадке гулял ветер, два светильника вышли из строя, но, как только он переступил порог своего жилища, на него пахнуло домашним теплом и уютom. На окнах – накрахмаленные белые занавески, сшитые Джин из кисеи, на полу – симпатичный голубой коврик; мягкая мебель обтянута заново – чтобы научиться этому, Джин ходила на специальные вечерние курсы. Мебель они купили подержанную, но благодаря неусыпным стараниям Джин она блестела, как новая.

Эндрю огляделся вокруг и внезапно ощутил прилив грусти, впервые после того, как записался добровольцем. У него больно сжалось сердце, когда он представил себе, как скажет Джин, что через три дня должен уехать из Нью-Йорка; на глазах его выступили непрошенные слезы при мысли о том, что он не знает, когда вернется и вернется ли вообще... «А, черт! Разве в этом дело? – пристыдил он самого себя. – Если я не пойду воевать с япошками, то кто тогда пойдет? Если их не остановить, в один прекрасный день эти мерзавцы прилетят сюда и начнут сбрасывать бомбы на Нью-Йорк, на мой дом... на Джин».

Он сел в кресло, которое она обтянула ласкающей глаз изумрудного цвета тканью, и погрузился в размышления – о Сан-Диего, о Японии, о приближающемся Рождестве, о Джин...

Неизвестно, сколько времени он так просидел. Но вот он поднял голову и прислушался: в замке поворачивался ее ключ. Она распахнула дверь и встала на пороге, держа в обеих руках пакеты с провизией из ближнего универсама. В темноте Джин не заметила мужа; включив в прихожей свет, она вздрогнула от неожиданности: Энди сидел в кресле и с улыб-

кой смотрел на нее. Прядь белокурых волос упала низко на лоб, зеленые глаза уставились на Джин не мигая. Он был такой же красивый, как и шесть лет назад, когда они познакомились. Ему было семнадцать, а ей – пятнадцать. Теперь ему двадцать три.

– Здравствуй, любимый! Почему ты дома?

– Мне захотелось посмотреть на тебя.

Он подошел к ней и забрал одной рукой все пакеты разом. Джин обратила на него свои большие темно-карие глаза с обычным для нее выражением обожания, которое она постоянно испытывала к своему мужу.

Да и как было не обожать его: Эндрю учился два года в колледже, на вечернем отделении, занимался легкой атлетикой, играл в футбол – пока не повредил себе колено, а в баскетболе ему не было равных. Они повстречались, когда он был на втором курсе, и все эти годы Энди оставался в ее глазах героем. Джин могла гордиться: ее муж получил хорошее место агента в крупнейшей дилерской фирме, где занимался продажей легковых автомобилей марки «Бьюик».

Джин знала, что когда-нибудь он сделается менеджером и, возможно, будет продолжать учебу – они часто говорили об этом. А пока он приносил домой неплохие проценты с выручки. Эти деньги вкупе с ее заработком позволяли им сводить концы с концами. Она умела растягивать доллар до бесконечности, ее научила этому постоянная нужда. Родители Джин погибли в автокатастрофе, когда ей было восемнадцать лет, и с тех пор она содержала себя сама. К счастью, ей удалось еще до этого закончить курсы секретарей, и довольно-таки успешно: она была способной ученицей. Вот уже почти три года, как она работает в одной и той же адвокатской фирме. Энди тоже гордится ею. Она выглядит так эффектно, когда отправляется по утрам на службу в красивого покроя костюме; она шьет на себя сама, шляпки и перчатки выбирает очень придирчиво, изучив предварительно модели на витринах магазинов и посоветовавшись с мужем.

Джин стянула перчатки, сняла мягкую фетровую шляпу и бросила все на большое зеленое кресло. Он с улыбкой наблюдал за ней.

– Как прошел у тебя день, моя ненаглядная?

Эндрю любил дразнить ее: то ущипнет, то уткнется носом в шею, то поднимет на руки, делая вид, что хочет ее украсть. Так было дома, после его возвращения с работы. У себя на службе она, разумеется, держалась, как того требовало положение секретарши. Время от времени он заглядывал к ней в офис: Джин выглядела такой неприступной и строгой, что он почти боялся ее. Вообще говоря, такой она и была по натуре и только после свадьбы немного отошла, оттаяла.

Он поцеловал ее в шею, пониже затылка, и она ощутила дрожь в позвоночнике.

– Обожди, дай уберу покупки... – Она многозначительно улыбнулась и хотела взять у него пакеты, но он отвел руки и поцеловал ее в губы.

– Зачем ждать?

– Энди... перестань... – шептала она, тогда как его нетерпеливые руки уже стаскивали с нее тяжелое пальто и расстегивали блестящие черные пуговицы на ее пиджаке.

Пакеты с покупками валялись на полу, а они стояли, тесно прижавшись друг к другу, соединив губы в жарком поцелуе. Наконец Джин оттолкнула его голову: она чуть не задыхнулась. Однако он не разжимал рук.

– Энди... что это на тебя нашло сегодня?

– Лучше не спрашивай... – Он улыбнулся загадочной улыбкой, страхась проговориться, и зажал ей рот новым поцелуем. Действуя одной рукой, он снял с нее пиджак и блузку. Через минуту упала на пол и юбка, открыв белый ажурный пояс с резинками и такие же панталоны, капроновые чулки со швом и пару умопомрачительных ног.

Он пробежал руками по ее бедрам и снова крепко прижал к себе; она не сопротивлялась, когда он опрокинул ее на кушетку, и сама распахнула на нем рубашку. В этот момент послышался грохот надземного поезда. Оба засмеялись. «Черти бы его взяли!» – пробормотал он, расстегивая одной рукой ее бюстгальтер. Она улыбнулась.

– Ты знаешь, мне эти звуки стали даже как будто нравиться.

На этот раз она поцеловала его сама, и минуту спустя их тела слились так же тесно, как губы.

Прошли, казалось, долгие часы, прежде чем они заговорили снова. У входной двери горел свет, а в гостиной, где они лежали, и в маленькой спальне позади нее было темно. Но и в темноте он почувствовал на себе пристальный взгляд жены.

– Мне кажется, что-то должно случиться, – сказала она. Все эти дни Джин чувствовала какую-то непонятную тяжесть в груди, она слишком хорошо знала своего мужа. – Энди?..

Он не мог придумать, что ей ответить. Сегодня это было не легче, чем два дня назад, а к концу недели будет еще тяжелее. Сказать тем не менее надо. Теперь он уже желал, чтобы этого не было вовсе: впервые за минувшие три дня вдруг усомнился, что поступил правильно.

– Я не знаю, что тебе сказать...

Джин все поняла женским чутьем. Сердце ее тревожно забилося; она смотрела на него в темноте широко раскрытыми глазами, и лицо ее стало таким же печальным, каким было до замужества. Они были разными по характеру: он часто смеялся, сыпал шутками, остротами, постоянно придумывал что-то смешное. У него были веселые глаза, открытая улыбка. Жизнь обходилась с ним милостиво, не то что с Джин: та отличалась нервозностью, свойственной людям, которым жилось нелегко с самого раннего возраста. Родители ее были алкоголиками, сестра, страдавшая припадками эпилепсии, умерла в тринадцать лет в одной постели с девятилетней Джин. Девочке пришлось вести борьбу за выживание чуть ли не с самого рождения. Но, несмотря на это, в ней чувствовалась некая порода, прирожденный вкус к жизни, который, правда, еще не получил развития. Энди знал, что со временем она должна раскрыться, подобно цветку, который любовно выращивают и холят, и заботился об этом, как умел.

Но сейчас он ничем не мог облегчить грусть, стоявшую в ее глазах, столь же глубокую, какую он наблюдал при первой их встрече.

– Ты идешь туда? Я так и знала!

Он кивнул. Ее огромные темные глаза наполнились слезами. Она легла навзничь на той самой кушетке, где они только что любили друг друга.

– Не смотри так, малышка, не надо...

Энди почувствовал себя настоящим извергом. Будучи не в состоянии видеть ее страдания, он встал и вышел в прихожую, чтобы выудить пачку «Кэмела» из кармана пальто. Достав сигарету, нервно закурил и сел в зеленое кресло, стоявшее напротив кушетки. Джин теперь плакала в открытую, однако, взглядевшись в ее лицо, он не увидел в нем ни малейшего намека на удивление.

– Я знала, что ты пойдешь, – повторила она.

– Я должен пойти, малышка.

Она кивнула – в знак того, что понимает его. Однако от этого ей было не легче. Прошло, как им показалось, несколько томительных часов, прежде чем она набралась мужества спросить:

– Когда?

Эндрю Робертс с трудом сдержал слезы. Ни один ответ еще не давался ему с таким трудом.

– Через три дня.

Он видел, как она вздрогнула и снова закрыла глаза. Ее душили слезы.

В последующие три дня нормальный ход их жизни нарушился. Джин отпросилась с работы, чтобы собрать его в дорогу, и доводила себя до иступления, стирая его белье, штопая носки, выпекая пирожки, чтобы дать их мужу с собой. Она трудилась не покладая рук с утра до самого вечера, надеясь, что эти хлопоты облегчат им обоим тяжесть расставания.

Однако все было напрасно. В субботу вечером он потребовал от нее оставить все это: прекратить укладывать вещи, которые ему не нужны, печь пирожки, которые он никогда не съест, штопать носки, без которых прекрасно можно обойтись. Он обнял ее, и она залилась слезами.

– О боже! Энди! Как я буду жить без тебя?

Когда он заглянул в ее глаза и увидел, что он ей сделал, ему показалось, что внутри у него все оборвалось. Но другого выбора не было... не было... Мужчина должен идти сражаться, когда его страна воюет. Хуже всего было то, что в те минуты, когда ему удавалось не думать о ее муках, им овладевало новое, еще не изведенное возбуждение: он идет на войну, другой такой возможности может никогда больше не представиться. Это было что-то вроде мистического ритуала, обряда посвящения в мужчины. Он чувствовал себя обязанным пройти через него.

Понимание этого пришло к нему в субботу вечером. Мучительно разрываясь между жалостью к Джин, цепляющейся за него своими слабыми руками, и патриотическим долгом, Эндрю почувствовал, что хочет покончить со всем этим поскорее и оказаться в поезде, увозящем его на запад. Ему надо было явиться на Центральный сборный пункт к пяти часам утра.

Когда он вошел в спальню, чтобы переодеться в дорогу, Джин выглядела уже спокойнее. Она выплакала слезы, веки ее покраснели и распухли, однако теперь она показалась ему смирившейся с неизбежным. Какой бы ужасной и пугающей ни выглядела их разлука, для нее это было почти то же, что повторная утрата родителей и сестры. Энди – единственное, что у нее еще оставалось, она согласилась бы скорее умереть, чем потерять его. И вот теперь он ее покидает.

– С тобой будет все в порядке, правда, малышка? – Он сел на край кровати и посмотрел на нее в отчаянной надежде, что она успокоит его, хотя бы немного. С грустной улыбкой она взяла его руку в свои ладони.

– Да уж куда я денусь? – На этот раз ее улыбка показалась ему таинственной. – Знаешь, чего я хочу?

Еще бы ему не знать: она хочет, чтобы муж остался дома. Будто прочитав мысли, она поцеловала кончики его пальцев.

– Помимо этого, я хотела бы... Я надеюсь, что ты оставляешь меня беременной...

В волнениях последних дней они забыли про всегдашнюю осторожность. Раньше он постоянно помнил об этом, но последняя неделя была так насыщена переживаниями! Энди надеялся, что это был не самый опасный ее период, но теперь он засомневался.

Весь минувший год они тщательно предохранялись, с самого начала решив не иметь детей – по крайней мере первые несколько лет, пока оба не подыщут более подходящую работу. Не исключалось, что Энди будет продолжать учиться еще два года. Они были еще молоды, и можно было не спешить с детьми. Но теперь вся их жизнь перевернулась вверх дном.

– Мне показалось, что в эти ночи у нас было как-то по-другому, – сказала Джин.

– Ты думаешь, что ты могла?.. – Он с тревогой посмотрел ей в лицо. Этого он хотел меньше всего! Как было оставить ее одну в таком положении и мчаться бог знает куда, под пули?

Джин пожала плечами.

– Возможно... – Она снова улыбнулась и села рядом. – Я дам тебе знать.

– Дьявольщина! Только этого нам и не хватало! – Он помрачнел еще больше, с беспокойством взглянул на часы, стоявшие на столике у кровати: десять минут пятого. Ему пора уходить.

– Это вполне могло быть, – повторила Джин и поспешно добавила, будто испугавшись, что не успеет сказать главного: – Пойми меня правильно, Энди: я в самом деле этого хочу. Очень.

– Именно теперь? – изумленно переспросил он, и она кивнула в подтверждение своих слов. В маленькой спальне послышалось тихое, как вздох:

– Именно теперь.

Глава 2

Джин Робертс целыми днями сидела у раскрытых окон своей квартиры, надеясь ощутить желанную прохладу. Ей казалось, что все их здание превратилось в адское пекло, что августовский зной, поднимающийся от расплавленных тротуаров, прокаливает насквозь стены, сложенные из песчаника. Единственное облегчение приносил ветерок от проносившихся мимо поездов надземки.

Иногда ей приходилось вставать по ночам с постели и садиться на ступеньки крыльца, чтобы хоть немного подышать прохладным ветерком, который поднимали мчащиеся мимо поезда, или же сидеть в ванной, закутавшись в мокрую простыню. От жары было некуда деться: Джин была на сносях, порой ей казалось, что ее чрево может лопнуть от натуги. Чем сильнее была жара, тем ощутимее толкался в стенки живота ребенок, будто знал, что творится снаружи, будто ему тоже становилось душно.

При этой мысли Джин улыбнулась: так хочется увидеть маленького. Но до родов еще четыре недели. Через месяц она сможет взять его на руки. Джин надеялась, что ребенок будет похож на отца. Тот сейчас где-то в Тихом океане, занятый своим мужским делом. «Воюю против япошек», – писал Энди в своих письмах. Это слово покорило Джин: среди служащих ее фирмы была молодая девушка-японка, которая трогательно о ней заботилась. Она даже брала на себя часть работы и покрывала Джин, когда та была так слаба, что не могла двигаться. С огромным трудом добравшись до офиса, она неподвижно сидела за машинкой, боясь не успеть добежать до туалета, когда начнется рвота.

Ее не увольняли целых шесть месяцев – значительно дольше, чем обычно держат беременных. Это было благородно с их стороны, и Джин написала мужу про их великодушие. Она посылала ему весточки каждый день, а от него получала не чаще одного раза в месяц. Он слишком уставал, чтобы взяться за письмо, к тому же они доходили с большим опозданием. «Это вам не «Бьюики» в Нью-Йорке продавать», – пошутил он в одном из своих писем. Он и теперь шутил, даже когда писал про скверное питание, про свое окружение, изображая все лучше, чем это было на самом деле, чтобы не расстраивать Джин.

Ей было очень страшно в первые месяцы, а также в самом начале, когда в один прекрасный день у нее не осталось никаких сомнений, что она беременна. В момент отъезда мужа Джин надеялась, что ребенок поможет ей перенести горе разлуки, но теперь вдруг испугалась. Это означало уход со службы, одиночество, безденежье. На какие средства она будет содержать себя и ребенка?

Джин помнила реакцию мужа, когда впервые поделилась с ним своими подозрениями. Но после того, как она сообщила Энди на фронт и получила в ответ восторженное послание, все снова представилось ей в розовом свете. К тому времени истекло уже пять месяцев, и ее состояние немного стабилизировалось.

На досуге будущая мама занялась превращением своей спальни в детскую. Конверт для ребенка она сшила сама – белый с желтыми лентами. Она вязала маленькие чепчики, башмачки, кофточки. Стены детской Джин расписала яркими картинками, а на потолке изобразила белые облака. Увидав это, соседка по площадке отругала Джин за то, что та забралась на стремянку. Но как еще ей было убить свободное время? Джин не позволяла себе даже ходить в кино, не желая тратить ни одного лишнего пенни из своих сбережений и из тех денег, которые получала за мужа. Все это предназначалось ребенку, с которым Джин собиралась оставаться дома несколько первых месяцев.

Когда же деньги кончатся, придется искать няню и возвращаться на службу. Она надеялась, что старенькая миссис Вайсман с четвертого этажа согласится посидеть с ее ребенком. Эта добросердечная женщина, живущая здесь уже много лет, пришла в восторг, узнав, что

молодая женщина ждет ребенка. Теперь она навещала ее каждый день, а иногда и поздно вечером, когда не могла заснуть из-за летней духоты. Если у Джин горел свет, старушка запросто заходила к ней на огонек.

Но в тот вечер Джин не включала электричество. Обессиленная нестерпимой духотой, бедняжка сидела впотьмах, прислушиваясь к стуку колес пробегающих наверху поездов, пока те не перестали ходить поздно ночью и не возобновили свой бег уже под утро. Наблюдая восход солнца, Джин думала, будет ли она когда-нибудь в состоянии вдохнуть полной грудью или свалится здесь без чувств, будто ее придушили. Это был один из тех особенно трудных дней, когда жара не спадала даже по ночам, когда не помогали и поезда.

Около восьми утра она услышала стук в дверь и решила, что это пришла миссис Вайсман. С тяжелым вздохом Джин накинула розовый купальный халат и зашлепала босыми ногами к двери. Благодарение богу, осталось мучиться один месяц, больше ей не выдержать.

– Привет!..

Ожидая увидеть перед собой свою соседку, она через силу улыбнулась – и вдруг покраснела, смутившись за свой вид. В дверях стоял, протягивая ей желтый конверт, незнакомый юноша в коричневой форме, отделанной песочного цвета галунами.

Джин смотрела ему в лицо, будто не понимая, отказываясь понимать, – она слишком хорошо знала, что это должно означать. Юноша взглянул на нее исподлобья, и ей показалось, что лицо его перекосилось, когда она, выйдя наконец из шока, молча схватила конверт и быстро вскрыла его. Это было то, то самое...

Она снова взглянула на вестника смерти, сосредоточившись на знаках различия, нашитых на его форме, и вдруг, не успев вскрикнуть, свалилась бесформенной кучей к его ногам. Он посмотрел на нее в ужасе и закричал, призывая кого-нибудь на помощь. Ему было шестнадцать лет, он еще никогда не видел беременную так близко. Открылись две двери на площадке, кто-то побежал вверх по лестнице. Появилась миссис Вайсман с мокрым полотенцем, которое она положила на лицо Джин. Юноша оторопело попятился назад, желая лишь одного – поскорее убраться из этого тесного и душного здания.

Очнувшись, Джин застонала. Миссис Вайсман и две другие женщины подвели ее к кушетке – это была та самая кушетка, где она зачала дитя, где они с Энди лежали вдвоем, предаваясь любви...

«С прискорбием сообщаем... Ваш муж погиб за Отечество... убит в бою при Гвадалканале»... Убит в бою... в бою... У нее снова помутилось в голове.

– Джин!.. Джин! – Соседки старались привести ее в чувство, но она никого не узнавала. Женщины переглянулись между собой. Элен Вайсман прочла телеграмму и показала соседкам. Джин медленно приходила в себя, пульс еле прослушивался. Ей помогли сесть и дали воды. Она тупо взглянула на миссис Вайсман – и вдруг все вспомнила. Конвульсивные рыдания сотрясли ее тело, не давая продохнуть. По щекам несчастной катились слезы, она судорожно цеплялась за миссис Вайсман, которая не давала ей упасть.

«Он мертв... как все остальные, как мама и отец, как Руфь... он ушел, ушел навсегда... я больше никогда его не увижу...» Джин рыдала, точно малое дитя, на сердце у нее была неимоверная тяжесть, какую ей не доводилось испытать даже на похоронах родных.

– Успокойся, милая, все будет хорошо, – говорили соседки, заведомо зная, что не будет, ничего больше не будет для нее без ее бедного Энди...

Немного погодя все разошлись, кроме Элен Вайсман: ей не нравился неподвижный взгляд молодой женщины, застывшая поза, внезапные истеричные рыдания. Элен провела с ней весь день и только к вечеру отлучилась ненадолго к себе. Вдруг она услышала ужасающие стоны и поспешила спуститься обратно. Войдя через незапертую дверь, она позвонила врачу, наблюдающему Джин: тот уже закончил прием и собирался уходить. Доктор просил миссис Вайсман передать Джин его соболезнования и предупредил, что в результате потря-

сения у нее могут начаться преждевременные роды. Старая женщина и сама заподозрила это, когда заметила, что Джин то и дело давит на поясницу кулаками. Она беспокойно металась по своей квартирке, будто та вдруг сделалась мала для нее. Окружающий мир словно заколебался, готовый рухнуть, а бежать было некуда. От ее мужа не осталось ничего, даже мертвого тела, чтобы послать домой... Только память о высоком, красивом блондине да еще дитя в ее чреве.

– Как ты себя чувствуешь? – Элен Вайсман прожила в Америке сорок лет и все же не избавилась от сильного немецкого акцента. Мудрая и добрая женщина искренне сочувствовала Джин. Тридцать лет назад она потеряла мужа и больше не вышла замуж. В Нью-Йорке у нее было трое детей, которые навещали ее время от времени – главным образом затем, чтобы подкинуть ей очередного ребенка, которому нужна была нянька. Еще один сын жил в Чикаго, где имел приличную работу.

– У тебя схватки? – Она испытующе посмотрела в лицо Джин, но та отрицательно замотала головой. После кошмарного дня у нее болело все, однако как раз в области живота острых болей не ощущалось. Было непонятно, что с ней происходит: везде болит, всю жжет, она не находит себе места. Когда боль сосредоточилась в пояснице, Джин изогнулась дугой – так ей было как будто легче.

– Со мной все в порядке, миссис Вайсман. Идите, ложитесь, – голос Джин сел от беспрестанных рыданий. Она взглянула на кухонные часы и отметила, что прошло пятнадцать часов с момента получения злополучной телеграммы... Пятнадцать часов, а ей показалось – пятнадцать лет... тысяча лет. Она снова заходила по комнате.

Элен Вайсман не спускала с нее глаз.

– Хочешь, пойдём погуляем?

Джин отрицательно покачала головой. Даже сейчас, в одиннадцать часов вечера, было слишком жарко для прогулок – ее жгло как огнем.

– Пожалуй, мне надо выпить чего-нибудь холодного.

Она достала из холодильника кувшин с лимонадом, налила в стакан и выпила. Он оказался вкусным, однако ее сразу затошнило. Джин кинулась в туалет, и ее вырвало; приступы тошноты все накатывали и накатывали на нее, хотя рвать ей было уже нечем.

– Тебе надо прилечь, – сказала миссис Вайсман.

Джин послушалась, но лежать было еще хуже, чем сидеть. Она попробовала вернуться в старое зеленое кресло, но уже через несколько минут почувствовала, что ей в нем неудобно. У нее ныла поясница, болезненно тянуло живот.

В полночь Элен Вайсман ушла, взяв с Джин обещание позвать ее в случае необходимости. Джин выключила свет и присела в замолкшей квартире, в полном одиночестве, предаваясь мыслям о муже, о своем Энди. Зеленоглазый, с белокурыми волосами, звезда легкой атлетики, неукротимый футболист... ее первая и единственная любовь. Джин влюбилась в него по самые уши с первого взгляда... В ту самую минуту, как она подумала об этом, нестерпимая боль пронзила ее насквозь, от живота до спины, потом еще и еще... Схватки повторялись одна за другой, не давая ей продышаться. Джин встала, шатаясь от слабости и дурноты, и кое-как добралась до туалета. Почти целый час она простояла там, уцепившись за раковину; режущая боль разрывала ее на части, позывы к рвоте выворачивали наизнанку. Измученная, теряющая сознание, она начала кричать и звать Энди. Тут и нашла ее Элен Вайсман: в половине второго ночи миссис решила еще раз навеститься к соседке, прежде чем лечь спать. В ту душную ночь мало кому удавалось заснуть, поэтому старая женщина долго не ложилась. Она возблагодарила за это господу, когда увидела, в каком плачевном состоянии находится Джин. Поднявшись к себе, миссис Вайсман позвонила врачу и в полицию. Ей обещали прислать «Скорую» без промедления. Переодевшись в чистое ситцевое платье, Элен взяла свою сумочку и, как была в домашних туфлях, поспешила спуститься к Джин. Едва успев наки-

нуть на плечи роженицы купальный халат, она услышала звуки сирены. Джин, похоже, не слышала ничего: ее мучила тошнота, она жалобно стонала, миссис Вайсман пыталась в меру сил облегчить ее страдания. Джин корчилась от болей и звала Энди. Вскоре после того, как ее доставили в «Нью-Йорк госпитал», начались роды – показалась головка ребенка. Акушерки поспешно увезли роженицу на каталке, не успев оказать ей никакой помощи. Скоро она разрешилась маленькой, но здоровой девочкой, с черными как смоль волосами и крепко сжатыми кулачками. Девочка, весившая пять фунтов с четвертью, громко кричала, оповещая о своем появлении на свет. Примерно через час Элен Вайсман попросила разрешения взглянуть на них, Джин к тому времени дали успокоительное, ребенок тоже спокойно спал.

Элен вернулась домой. Из головы у нее не шла Джин Робертс, овдовевшая в двадцать два года. Бедняжку ждет одинокая жизнь с ребенком на руках, которого ей придется воспитывать без мужа. Элен смахнула слезы с морщинистых щек. Было уже половина пятого, и мимо окон проходного дома прогремел ранний поезд надземки. Старая женщина знала, сколько требуется самозабвенной любви, чтобы вырастить ребенка в одиночку. Эта любовь сродни любви к богу, самоотверженной преданности святого отшельника. Только так можно поднять дочь, которая никогда не будет знать отца.

Джин увидела новорожденную следующим утром, когда девочку принесли кормить. Она взглянула на крохотное личико, на темные шелковистые волосики, которые, по словам медсестры, должны были смениться, и материнским инстинктом поняла, что ей предстоит сделать для дочери. Джин, однако, не устрашилась: она сама желала этого. Это был ребенок Энди, последний его подарок жене, и она будет хранить его, беречь пуше жизни. Она сделает все возможное, чтобы их дочери было хорошо. Джин будет жить, дышать и работать ради нее одной, готовая отдать за нее даже душу.

Когда маленький ротик, похожий на бутон розы, замокал и потянул молоко из ее груди, Джин улыбнулась новому ощущению. Она с трудом верила, что прошли всего одни сутки с тех пор, как ей сообщили о смерти Энди. В палату вошла сестра, чтобы посмотреть, как они справляются. Судя по всему, мать и дочь чувствовали себя хорошо. Для восьмимесячного ребенка девочка была нормальной.

– Видать, у нее неплохой аппетит. – Сестра в белом накрахмаленном халате и такой же шапочке посмотрела на мать и на дитя. – А папа нас уже видел? – Никто ничего не знал, кроме Элен Вайсман.

Глаза Джин наполнились слезами, она отрицательно мотнула головой. Сестра ласково похлопала ее по плечу, так и не поняв, что она чувствует в ту минуту. Отец не видел народившуюся дочь и никогда не увидит...

– Как вы хотите ее назвать? – спросила сестра, чтобы сменить тему.

Они с Энди долго обсуждали это в письмах и наконец сошлись на одном женском имени, хотя оба ждали мальчика. После испытанного в первый момент чувства удивления, близкого к разочарованию, Джин теперь казалось, что девочка несравненно лучше и что они с мужем отдавали ей предпочтение с самого начала. Что ни говори, а природа все устраивает наилучшим образом. Если бы родился мальчик, она назвала бы его Эндрю – в честь отца, а для девочки она выбрала красивое женское имя. Интересно, как оно звучит для других? Джин взяла дочь на руки, глаза ее засияли гордостью.

– Ее зовут Тана Андреа Робертс. Тана... – повторила она имя девочки, прислушиваясь к звучанию этого имени, и ей показалось, что оно подходит дочери как нельзя лучше.

Когда она кончила кормить, сестра с улыбкой забрала у нее крохотный сверток. Другой рукой она привычно поправила постель и посмотрела в лицо Джин.

– Теперь отдохните немного, миссис Робертс. Я принесу вам Тану снова, как только она проголодается.

Когда дверь за ней закрылась, Джин откинулась назад и смежила веки, стараясь не вспоминать о муже и сосредоточиться на ребенке. Ей не хотелось думать о том, как он умер, что с ним произошло, произносил ли он перед смертью имя жены; из груди рвались рыдания. Она повернулась и впервые за много месяцев легла на живот, уткнувшись лицом в подушку. Прошел не один час, когда Джин наконец заснула, вся в слезах. Во сне она видела парня с волосами цвета спелой ржи, которого любила, и ребенка, которого он ей оставил. Ей снились муж и Тана.

Глава 3

Джин Робертс снимала телефонную трубку моментально, сразу после первого звонка. За долгие годы управления огромным предприятием у нее выработался четкий и эффективный стиль. Она работала здесь уже двенадцать лет. Когда ей исполнилось двадцать восемь, а Тане – шесть, она вдруг почувствовала, что не в состоянии проработать больше ни одного дня ни в одной адвокатской фирме. За шесть лет она сменила три места работы, одно скучнее другого. Но платили секретарю хорошо, и она мирилась со своим положением – ради Таны. Тана у нее всегда была на первом месте, только для Таны вставало и заходило солнце.

– Ты не даешь ребенку ни минуты покоя, – сказала как-то одна из сослуживиц.

Этого было достаточно, чтобы испортить с ней отношения. Джин знала, что делает. Она водила Тану в театры, музеи, библиотеки, картинные галереи, на концерты – всюду, куда только могла. Она тратила свои скудные средства на образование дочери, на ее развлечения, ни в чем ей не отказывая. Она сберегала для ребенка пенсию, получаемую за Энди, – всю до последнего пенни. Девочка не была избалованной, просто Джин хотела, чтобы ее дочь имела все то, чего она сама была лишена в детстве и юности, чтобы Тана приобщилась к сокровищам культуры. Теперь уже было не припомнить, как они проводили свободное время с Энди. Будь он жив, то, вероятнее всего, брал бы напрокат лодку и отвозил бы их в залив Лонг-Айленд, чтобы учить Тану плавать с раннего возраста; они собирали бы раковины моллюсков, бегали по дорожкам парка, катались на велосипеде... Энди, конечно же, боготворил бы хорошенькую белокурую девчужку, которая была вылитый отец.

Не по годам рослая и стройная, она таила в глазах озорную отцовскую улыбку. Медсестра оказалась права: черные шелковистые волосы сменились белокурыми кудрями, которые с годами превратились в роскошный каскад густых золотистых прядей цвета спелой ржи. Тана была прелестная девочка, и мать гордилась ею. Когда ей исполнилось девять лет, Джин удалось перевести ее из обычной государственной школы в частную, принадлежащую миссис Лоусон. Это была счастливая возможность для Таны, и Джин не могла нарадоваться за дочь. Им помог Артур Дарнинг, не считавший это за труд. Он знал по собственному опыту, что значит для детей хорошая школа. Его собственные дети – двумя и четырьмя годами старше Таны – учились в Гринвиче, в самых что ни на есть привилегированных заведениях.

Место менеджера досталось Джин совершенно случайно: Артур обратился в адвокатскую фирму «Поуп, Мэдисон и Уатсон», чтобы получить подробные консультации у Мартина Поупа, старшего компаньона фирмы. Джин к тому времени проработала у них два года. Работа была смертельно скучная, но платили секретарше сверх всяких ожиданий. Она не могла позволить себе гоняться за интересной работой: ей приходилось думать о дочери. Джин заботилась о ней денно и ночью, вся ее жизнь замыкалась на Тане. Она рассказала об этом Артуру, когда тот, после завершения почти двухмесячной серии встреч с Мартином Поупом – Джин присутствовала на них по должности, – пригласил ее однажды в бар.

Артур к тому времени жил отдельно со своей женой Мери, которая находилась в одной из частных клиник в Новой Англии. Ему явно не хотелось говорить на эту тему, и Джин не стала настаивать: у нее хватало своих проблем и обязанностей. Она не имела привычки «плакать в жилетку», рассказывая чужим людям о погибшем муже, о ребенке, которого воспитывает в одиночку, о чувстве ответственности, заботах и страхах. Она знала, чего хочет для дочери: нормальной жизни, образования, друзей. Она хотела, чтобы ее дочь была защищена от любых трудностей, чтобы имела то, чего никогда не было у нее самой. Артур Дарнинг, похоже, понял все это без лишних слов. Он возглавлял одну из крупнейших транснациональных компаний по производству изделий из стекла и пластмассы и изготовлению

упаковочной тары, а также владел большой долей в разработках нефти на Среднем Востоке. Будучи чрезвычайно богатым человеком, он держался просто и доступно, что очень импонировало Джин.

Честно говоря, нравилось ей в нем не только это, и когда, вскоре после первой встречи в баре, он пригласил ее пообедать с ним, она согласилась. Потом последовало еще одно приглашение, и в течение месяца у них завязался роман. Это был потрясающий мужчина, Джин таких еще не встречала. Вокруг него ощущалась аура спокойствия и силы, которую, казалось, можно было потрогать рукой, и в то же время он был очень ранимым. Джин знала, что Артур несчастлив в семейной жизни: как-то раз он проговорился ей об этом. Его жена Мери почти сразу после вторых родов пристрастилась к спиртному. Джин хорошо понимала, что это значит: она с детства наблюдала попойки своих родителей, будто давших зарок упиться до смерти. Так оно и вышло в конце концов – будучи пьяными, они погибли в машине на обледенелой дороге в канун Нового года. Мери тоже разбила машину, битком набитую школьниками, которых она взялась развезти по домам. Одну из девочек едва спасли от смерти. Энн Дарнинг и ее одноклассницам было тогда по десять лет. После этого случая Мери согласилась поехать лечиться, однако Артур не питал особых надежд на успех. Ей было тридцать пять лет, десять из которых она страдала хроническим алкоголизмом. Артур страшно от нее устал, и не было ничего удивительного в том, что Джин его покорила. Эта двадцативосьмилетняя женщина держалась с редким достоинством, что очень нравилось Артуру. И в то же время глаза у нее были кроткие и добрые. Взглянув на нее, сразу можно было сказать, что она – участливый человек. Это было как раз то качество, в котором Артур нуждался больше всего. Но как распорядиться своим чувством к ней? Они с Мери состоят в браке шестнадцать лет, теперь ему сорок два; как быть с детьми, с домом, с Мери, со всем укладом их жизни? Все выглядело очень неопределенным и ненадежным, Артур Дарнинг не привык и не любил так жить. Поначалу он не приводил Джин к себе домой, чтобы не волновать детей, но они встречались почти каждую ночь, и само собой вышло так, что Джин начала заботиться о нем: наняла двух горничных, сменила садовника, который исполнял свои обязанности из рук вон плохо, организовала несколько небольших деловых приемов, устроила детский утренник на Рождество, помогла Артуру выбрать новый автомобиль. Она даже отпросилась на несколько дней с работы, чтобы поехать с ним в совместную деловую поездку. И скоро выяснилось, что она руководит всей его жизнью, а он не может ступить без нее ни шагу. Все чаще Джин спрашивала себя, что это означает, хотя в глубине души понимала: она влюблена в него, а он – в нее, и как только Мери поправится настолько, чтобы ей можно было сказать, супруги разведутся, и он женится на ней, на Джин...

Однако вместо этого он через шесть месяцев предложил ей работу. Джин не знала, как к этому отнестись. Она не хотела работать у него: она его любила и пользовалась взаимностью. А по его словам выходило, что эта работа открывает перед ней перспективы, о которых она сама давно уже мечтала. Джин будет делать все то же, что делала в последние шесть месяцев в порядке дружеской услуги Артуру: организовывать приемы, нанимать слуг, следить, чтобы дети были должным образом одеты, чтобы у них были хорошие друзья и заботливые няни. Он считал, что у нее потрясающий вкус – ему и в голову не приходило, что на себя и на Тану она шьет сама, что она сама обтягивает мебель в своей квартирке. Они с дочерью все еще жили в доме из железистого песчаника, рядом с надземной железной дорогой, проходившей по Третьей авеню, и Элен Вайсман все еще присматривала за Таной, когда ее мать уходила на работу. Если Джин согласится на предложение Артура, она сможет отдать Тану в приличную школу – уж он-то поможет с устройством девочки. Они смогут переехать в другое жилище: на Верхневосточной стороне у него есть дом. «Это, конечно, не Парк-авеню, – сказала ей Артур со своей обычной сдержанной улыбкой, – но несравненно лучше, чем Третья авеню».

А когда он назвал сумму ее жалованья, она чуть не умерла от разрыва сердца. И это при том, что работа не представляла для нее особого труда.

Если бы у нее не было Таны, она, возможно, устояла бы перед искушением, справедливо полагая, что лучше не быть ему обязанной. Но, с другой стороны, это означало, что она все время будет рядом с ним, когда Мери вылечится... Секретаршей в «Дарнинг Интернэшнл» уже работала другая женщина, а для Джин предназначался небольшой отдельный кабинет позади конференц-зала, примыкающий к красивому, отделанному деревом кабинету патрона. Она будет видеть его ежедневно, сделается необходимой ему... К этому идет дело.

– Какая тебе разница? – говорил Артур, убеждая ее принять его предложение, соблазняя новыми благами и прибавкой к жалованью.

Он теперь уже зависел от нее, нуждался в ней; косвенным образом нуждались в ее заботах и дети, хотя они еще ни разу ее не видели. Впервые в жизни он мог на кого-то положиться, тогда как раньше, в течение почти двадцати лет, все полагались на него. В его жизни появился человек, к которому можно обратиться за помощью и который никогда не подведет. Он много думал над этим. Он хочет, чтобы Джин всегда была с ним. Все это Артур высказал ей в постели – в ту ночь, когда в очередной раз умолял ее взяться за эту работу.

В конце концов она согласилась, хотя и не без внутренней борьбы. Выбор был слишком очевиден. Теперь она отправлялась на работу после проведенной с ним ночи, и ее жизнь превратилась в сплошную сказку. Энн и Билли уже привыкли к ночным отлучкам отца; в доме у него теперь был полный порядок, и Артур мог не беспокоиться о детях. В первое время после отъезда матери они тосковали, а теперь и думать о ней забыли. Когда же отец познакомил их с Джин, им показалось, что они дружили с ней всегда. Она водила их и Тану в кино, покупала им игрушки, развозила детей из школы по домам, когда наступала их очередь, беседовала с учителями, посещала школьные спектакли. Уезжая из города, Артур мог быть уверен, что она присмотрит за его детьми даже лучше, чем он сам.

Однажды вечером они сидели у камина в ее новой квартире. Апартаменты были не бог знает какие шикарные, но для Джин с дочерью более чем достаточные: две спальни, гостиная, столовая, симпатичная кухня. Здание современное, добротное, чистое: из гостиной открывается вид на Ист-Ривер. Новое жилье отличалось от старого как небо и земля. Артур, чем-то похожий на нежащегося у огня холеного кота, посмотрел на Джин и улыбнулся. Она улыбнулась ему в ответ.

– Знаешь, – проговорила она, – я никогда еще не была так счастлива за всю свою жизнь.

– Я тоже.

Это было за несколько дней перед тем, как Мери Дарнинг попыталась вернуть себе утраченное. До нее дошло, что у Артура интрижка, правда, ей не сказали с кем. Состояние больной после этого резко ухудшилось. Но спустя шесть месяцев доктора стали поговаривать о ее выписке из больницы. К этому времени Джин проработала у Артура уже больше года. Тана радовалась новой школе, новой квартире, новой жизни не меньше, чем мать. И вдруг все это оказалось под угрозой.

Артур поехал навестить Мери и вернулся чернее тучи.

– Что она сказала? – Джин смотрела на него широко открытыми испуганными глазами. Она уже достигла тридцатилетнего возраста, и ей хотелось прочного положения, уверенности в будущем. Не может же их связь всю жизнь оставаться тайной! Она мирилась со своим двусмысленным положением только потому, что Мери была больна, и это беспокоило Артура. Всего неделю назад он сделал Джин предложение, а теперь смотрит на нее с таким мрачным выражением, словно для них не осталось никакой надежды.

– Мери говорит, что, если ее не отпустят домой, она снова попытается покончить жизнь самоубийством.

– Как она может! Что же, она так и будет тебе угрожать до конца твоей жизни? – Джин была готова разрыдаться: жена имеет возможность шантажировать мужа и пользуется этим.

* * *

Через три месяца Мери вернулась домой слегка подлеченная. К Рождеству она снова попала в больницу, откуда выписалась весной и продержалась до осени, когда начала пить запоем вместе со своими друзьями. В общей сложности это продолжалось более семи лет.

Когда она в первый раз приехала из больницы домой, Артур был так растерян, что начал просить Джин, чтобы та ей помогла.

– Мери такая беспомощная, ты не можешь себе представить, мое солнышко. Она абсолютно не отвечает за себя... не может ничего сообразать.

Из любви к Артуру Джин оказалась в незавидном положении любовницы, ухаживающей за женой. Два или три раза в неделю она проводила дневные часы в Гринвиче, помогая Мери вести домашнее хозяйство. Мери боялась и не хотела этой помощи. Все, включая детей, знали, что она пьет. Сначала они огорчались, потом стали ее презирать. Энн ее возненавидела, Билли плакал, когда она напивалась. Это были кошмарные сцены. Через несколько месяцев Джин почувствовала себя в таком же безвыходном положении, в каком находился Артур. Она не могла оставить Мери, не могла отпустить ее от себя – это было бы, как если бы она решила бросить на произвол судьбы своих родителей. Ей казалось, что она сможет справиться с недугом Мери. И при всем том Мери окончила свои дни почти так же, как родители Джин. Она поехала в город, чтобы встретиться с Артуром: они собирались в тот вечер смотреть балет. Джин могла поручиться, что Мери была трезва в момент отъезда, но, похоже, у нее была с собой бутылка. Машина перевернулась на скользком участке дороги близ Меррит, на середине пути до Нью-Йорка. Смерть наступила мгновенно.

Оба любовника благодарили судьбу, что Мери так и не узнала об их связи. На свое несчастье, Джин успела привязаться к ней. Она плакала на похоронах больше, чем дети, и несколько недель не могла принудить себя провести ночь с Артуром. Их связь длилась уже восемь лет, и он начал с опаской думать о том, что скажут Энн и Билли, когда обо всем узнают.

– В любом случае я должен ждать, пока не пройдет год, – сказал он Джин, и та была с этим согласна: как-никак он проводил с нею много времени, был заботлив и внимателен к ней. Она никогда не жаловалась и только боялась, чтобы Тана ничего не заподозрила. Однако по истечении года после смерти Мери девочка накинулась на мать с резкими обвинениями:

– Не считай меня совсем глупой, мам: я все понимаю. – Тана была высокая и статная, красивая, как отец. В ее глазах плясали задорные огоньки, отчего постоянно казалось, что она вот-вот рассмеется. Она догадывалась о том, что происходит, уже давно и мучилась этим. Глаза ее, обращенные на мать, теперь пылали негодованием. – Он поступает с тобой как с уличной девкой, и это продолжается уже много лет. Почему он не женится на тебе, вместо того чтобы приходиться и ухаживать, точно вор по ночам?

Джин отшлепала ее по щекам за такие слова, но Тане это было как о стенку горох. Столько Дней благодарения они провели в одиночестве, столько дорогих подарков доставляли им из фешенебельных магазинов на Рождество, но ни Джин, ни тем более Тана ни разу не были с ним в загородном клубе, куда он ездил с друзьями. Он не брал их даже тогда, когда брал Энн и Билли с их дедушкой и бабушкой.

– Его не бывает с нами, когда это важно для нас, разве ты этого не видишь, мам? – Крупные слезы катились по щекам дочери, и Джин пришлось отвернуться, чтобы не видеть их. Голос ее прозвучал хрипло, когда она попыталась возразить:

– Это неправда!

– Правда! Он обращается с тобой как с прислугой. Ты ведешь его дом, возишься с его детьми и получаешь в подарок часы с бриллиантом, золотые браслеты, сумочки и духи. Что в этом проку? Где он сам? Ведь важно именно это, а не подарки.

– Артур делает то, что должен делать, – проговорила наконец Джин.

– Нет! Он делает то, что хочет. – Тана оказалась очень проницательной для пятнадцатилетней девочки. – Он пирует с друзьями в Гринвиче, ездит с ними летом в Бал-Харбор, а зимой – в Палм-Бич, а когда отправляется в деловую поездку в Даллас, то берет с собой Джин Робертс. Разве он пригласил тебя хоть один раз на курорт или к себе домой? Почему он не показывает Энн и Билли, как много ты для него значишь? Твой Артур предпочитает приходить сюда по ночам, украдкой, чтобы я, не дай бог, ничего не узнала. Но я уже не маленькая, черт возьми!

Ее всю трясло от возмущения: слишком часто в последние годы она замечала боль в глазах матери. Джин знала, что дочь ужасающе близка к истине, а истина заключалась в том, что Артуру было удобно такое положение вещей и ему недоставало силы воли плыть против течения, вступая в конфликт со своими детьми. Его страшила мысль о том, как они отнесутся к его связи с Джин. Во всем, что касалось бизнеса, этот мужчина мог свернуть горы, а перед домашними неприятностями пасовал. В свое время у него не хватило мужества достойно ответить на шантаж Мери, и он пошел у нее на поводу, мирясь с пьяными выходками жены до самого конца. Теперь то же самое повторялось с детьми. Но перед Джин стояли свои трудности: каково ей было выслушивать такие упреки от дочери... В ту же ночь она рассказала о них Артуру. У него был трудный день, и он ограничился усталой улыбкой.

– Все они в этом возрасте имеют свои причуды, Джин. Ты только посмотри на моих детей.

Билли исполнилось семнадцать лет, его в этом году уже дважды штрафовали за вождение машины в нетрезвом виде, а Энн исключили со второго курса колледжа. Ей было девятнадцать, и она вознамерилась ехать с друзьями в Европу, тогда как отец хотел поддержать ее некоторое время дома. Надеясь уговорить ее, Джин повезла девушку на ленч, но та попросту от нее отмахнулась, заявив, что к концу года все равно добьется от отца того, чего хочет.

Энн оказалась права. Следующее лето она провела на юге Франции, где влюбилась в тридцатисемилетнего плейбоя-француза, сбежала с ним в Италию и вышла за него замуж в Риме. Ее беременность закончилась выкидышем, она вернулась в Нью-Йорк с темными кругами под глазами: начала привыкать к наркотикам. Ее замужество, как водится, наделало много шума в международной прессе. Когда Артур встретился с «молодым человеком», ему сделалось нехорошо. Пришлось потратить целое состояние, чтобы откупиться от зятя, после чего отец оставил Энн на курорте Палм-Бич – чтобы она могла, как он сказал, «поправить свое здоровье». Однако, судя по всему, ее образ жизни отнюдь нельзя было назвать здоровым: все ночи напролет Энн пьянствовала со своими сверстниками либо, если представлялся случай, с их папашами. Это была довольно пикантная особа не в лучшем смысле слова. Джин не одобряла ее поведения, но в двадцать один год Энн уже была совершеннолетняя, и отец не мог ничего с ней поделать. Его дочь теперь получала огромные суммы с материнского имения, которое раньше было под опекой, и могла распоряжаться ими по своему усмотрению. Снова отправившись в Европу, она опять впуталась в историю – еще до того, как ей исполнилось двадцать два года. Единственным утешением для отца служило то, что Билли ухитрился остаться в колледже «Принстон» на этот год, несмотря на целый ряд скандалов, в которых был замешан.

– Должен тебе сказать, дорогая, что с ними скучать не приходится: дети не дают нам ни минуты душевного покоя, – заключил Артур.

С некоторых пор они с Джин проводили вечера в Гринвиче, в спокойной обстановке, однако на ночь она чаще всего уезжала к себе, как бы поздно они ни задерживались. Его

детей теперь не было в доме, но ей приходилось думать о Тане. Джин не могла и помыслить о том, чтобы провести ночь вне дома, кроме тех случаев, когда Тана ночевала у подруги или уезжала куда-нибудь на уик-энд покататься на лыжах. Джин старалась придерживаться определенных норм поведения, и это его сердило.

– В конце концов они поступают так, как им заблагорассудится, какие бы положительные примеры ни были у них перед глазами.

Артур был по-своему прав, но не пытался отстаивать свою точку зрения слишком рьяно. Теперь он уже привык проводить ночи один. Это сообщало особую прелесть тем редким утрам, когда они просыпались бок о бок в общей постели. Прежних бурных чувств уже почти не осталось, но их отношения были удобны обоим, и в особенности ему. Джин не спрашивала с него больше того, что он желал ей дать, а Артур знал, как благодарна она за все то, что он сделал для нее в эти годы: дал ей ощущение защищенности, чего она никогда не смогла бы испытать без него, устроил ее на прекрасную работу, а Тану – в приличную школу; сверх того, дарил Джин драгоценности, меха, иногда брал в поездки. Ему это обходилось не слишком дорого, а Джин Робертс теперь уже не нужно было заниматься собственноручной обтяжкой мебели и шить себе платья, хотя она по-прежнему мастерски владела иглой. У них с Таной была комфортабельная квартира, которую убирала приходившая два раза в неделю женщина.

Артур знал, что Джин любит его; он тоже ее любил, но у него были свои обстоятельства. Никто из них больше не заговаривал о браке – теперь это потеряло смысл. Его дети стали взрослыми: в свои пятьдесят четыре года он был преуспевающим бизнесменом, его компания процветала. Джин все еще влекла его: она выглядела довольно-таки молодо, хотя в последние годы в ее облике появилось что-то от почтенной матроны. Ему нравилось в ней даже и это. Оглядываясь назад, он с трудом мог поверить, что прошло уже двенадцать лет. Этой весной ей исполнилось сорок, и они с ней провели неделю в Париже. Джин привезла дочери уйму дорогих безделушек и без конца рассказывала о своих впечатлениях от чудесной поездки, в том числе о юбилейном обеде в ее честь у «Максима». После такого трудно возвращаться домой, просыпаться в одинокой постели, искать его рядом и не находить. Однако она так жила уже давно, и это ее не тревожило, во всяком случае она не признавалась в этом даже самой себе. И Тана после той вспышки трехлетней давности больше не упрекала ее – она чувствовала себя пристыженной: ведь ее мама была всегда так добра к ней...

– Я просто хотела для тебя лучшего, мам... Я хочу, чтобы ты была счастлива – ведь трудно быть все время одной.

– Я не одна, мое солнышко, – сказала на это прослезившаяся Джин, – у меня есть ты.

– Это не то. – Тана обняла мать и больше не говорила на эту запретную тему.

Однако прежней теплоты в отношениях с Артуром у Таны теперь не наблюдалось, и это расстраивало Джин. Если бы даже Артур и начал теперь настаивать на женитьбе, Джин оказалась бы в затруднительном положении, не зная, как отнесется к этому ее дочь, убежденная, что он целых двенадцать лет пользовался матерью точно удобной вещью, ничего не давая взамен.

– Как ты можешь это говорить? Мы столько ему обязаны! – В отличие от Таны Джин помнила их жалкую квартирку на Восточной стороне, их более чем скудный бюджет: бывали времена, когда она не могла дать ребенку нормального мяса на обед, ограничивая бараньей котлетой или же кусочком бифштекса, тогда как сама ела почти одни макароны.

– Чем это мы ему обязаны? Велика важность – квартира! Ты столько работаешь, мам, разве ты не могла бы снять такую квартиру? Ты всего могла добиться сама, без его помощи.

Джин, однако, вовсе не была в этом уверена. Теперь она боялась расстаться с ним и оставить работу в «Дарнинг Интернэшнл», где была его правой рукой; боялась остаться без

этой квартиры, без уверенности в себе, без автомобиля, который Артур заменял ей на новый каждые два года, чтобы она могла запросто разъезжать между Гринвичем и Нью-Йорком. Поначалу это был крытый пикап, на котором она отвозила Энн и Билли с друзьями в школу и забирала их обратно – так делали по очереди родители всех детей. А в последние годы он покупал ей менее вместительные, но более шикарные «Мерседесы». И дело заключалось не в том, что она гналась за дорогими подарками, – все было гораздо сложнее. Она постоянно ощущала, что Артур находится рядом, когда в нем есть нужда. Ей было страшно лишиться этого ощущения после стольких лет, проведенных вместе с ним. Она не могла бросить все в одночасье, что бы ни говорила ее дочь.

– А что как он умрет? – спросила раз Тана с безжалостной прямоотой. – Тогда ты останешься одна, без работы и без ничего. Если он тебя любит, мам, почему не женится на тебе?

– Мне кажется, нам хорошо и так.

Зеленые глаза дочери расширились и посуровели – точь-в-точь как у ее отца, когда он был в чем-нибудь не согласен с Джин.

– Я так не думаю. Артур обязан тебе большим, чем ты ему. Он очень даже неплохо устроился, черт побери!

– Для меня тоже это удобно, Тэн. – В тот вечер у нее не было желания спорить с дочерью. – Мне не приходится приспосабливаться к чьим-то капризам. Я живу так, как мне нравится, как я привыкла жить. Он берет меня в Париж, в Лондон или в Лос-Анджелес, когда мне этого хочется. Я не могу пожаловаться на жизнь. – Обе они знали, что это лишь часть правды, но теперь нельзя было уже что-нибудь изменить: Артур и Джин шли каждый своим путем.

Разбирая бумаги у себя на столе, она вдруг ощутила его присутствие. Так было всегда, будто когда-то давно в сердце Джин вживили радар, который мог засекал только одного человека. Неслышными шагами он вошел в ее кабинет из своего собственного и остановился, наблюдая за ее работой. Почувствовав на себе его взгляд, она подняла голову.

– Здравствуй, – сказал Артур и улыбнулся той улыбкой, которая вот уже двенадцать лет предназначалась ей одной. Стоило ему увидеть Джин, как в груди у него теплело. – Как дела?

– Нормально.

Они не виделись с полудня, что было необычно для них. За день они, как правило, общались много раз: по утрам пили вместе кофе, он часто вывозил ее куда-нибудь на ленч. Уже много лет о них ходили сплетни, особенно после смерти Мери Дарнинг, но в конце концов разговоры затихли: все решили, что они просто друзья, а если даже у них любовная связь, то очень осторожная и не имеющая последствий. Стало быть, и говорить не о чем.

Он сел в свое любимое кресло напротив ее стола и раскурил трубку. Запах его табака пропитывал все помещения, где он жил, включая ее собственную спальню с видом на Ист-Ривер. За эти годы Джин полюбила этот запах, ставший для нее неотделимым от него самого.

– Как ты посмотришь на то, чтобы провести со мной завтрашний день в Гринвиче? Давай удерем отсюда и проветримся на природе.

От него редко можно было услышать такое, но последние полтора месяца он работал очень напряженно, и она подумала, что ему было бы полезно устраивать передышки почаще. Однако на сей раз пришлось ответить отказом.

– Мне бы очень этого хотелось, дорогой, но, к сожалению, я не смогу: завтра у нас большой праздник.

Он часто забывал о важных датах, но она и не рассчитывала, что он должен помнить о выпускной церемонии в школе ее дочери. Артур посмотрел на нее, не понимая, о чем идет речь, и она с улыбкой произнесла одно-единственное слово:

– Тана...

– Ах, да, конечно! – Он взмахнул рукой, в которой держал зажженную трубку, нахмурился, потом засмеялся над самим собой. – Какой же я растяпа! Что было бы, если бы ты полагалась на меня в такой же степени, как я на тебя? Ты все время оказывалась бы в неловком положении.

– Сомневаюсь. – Она посмотрела на него с нежностью; что-то очень интимное снова прошло между ними. Казалось, теперь они уже не нуждаются в словах. И что бы там ни говорила ее дочь, в эту минуту Джин Робертс не желала ничего сверх того, что имела. С ней был человек, которого она давно и преданно любила, и больше ей ничего не было нужно.

– Она, наверное, сейчас испытывает состояние подъема, – Артур с улыбкой посмотрел на сидящую перед ним уже немолодую, но еще очень привлекательную женщину: волосы чуть тронуты сединой, глаза огромные, темные, и во всем ее облике чувствуется нечто изящное и утонченное.

Ее дочь была выше ростом, немного угловатая, точно молодой верблюжонок, красивая той, еще не вполне расцветшей красотой, которая через пару лет будет заставлять мужчин останавливаться и смотреть ей вслед. Она выбрала себе колледж «Грин-Хиллз», расположенный в самом сердце Юга, и поступила туда сама, без чьей-либо помощи. Артур не одобрял ее выбора, для девушки с Севера он казался более чем странным: это был женский колледж, где учились главным образом местные красавицы в ожидании выгодной партии. Но Тану привлекала едва ли не самая лучшая в Штатах языковая программа, великолепные лаборатории и усиленная программа по изящным искусствам. Она решила все сама: благодаря высоким экзаменационным результатам она имела право на полную стипендию. Все было готово к отъезду, хотя занятия начинались только осенью; до этого она собиралась поработать в летнем лагере в Новой Англии. Завтра у них в школе торжественно отмечается выпуск – знаменательный день в ее жизни.

– Если судить по громкости звучания ее плеера, – засмеялась Джин, – то она уже целый месяц в истерике.

– Лучше не говори мне о таких вещах. Вчера звонил Билли: на будущей неделе он приезжает домой с четверьмя товарищами, я совсем забыл тебе сказать об этом. Они хотят остановиться в павильоне бассейна. Боюсь, что после них там не останется камня на камне. Благодарение богу, они пробудут здесь всего две недели, а потом отправятся куда-то еще.

Билли Дарнингу уже сравнялось двадцать лет, и он теперь буйствовал еще больше, чем раньше, судя по тем письмам, которые присылали из колледжа его отцу. Прочитав их, Джин решила, что, вероятно, он все еще переживает из-за смерти матери. Это была тяжелая утрата для всех, а ему было всего шестнадцать лет, когда она умерла; как-никак переходный возраст, думала сердобольная Джин Робертс, надеясь, что постепенно все уляжется.

– Между прочим, Билли устраивает вечеринку в будущую субботу. Он проинформировал меня об этом и просил поставить в известность тебя.

Она улыбнулась.

– Я сейчас запишу. Какие-нибудь особые пожелания?

Артур усмехнулся: она знала их слишком хорошо.

– Оркестр, выпивка на две или три сотни гостей. Кстати, передай приглашение Тане – это ее развлечет. Она может взять с собой одного из своих друзей, который привезет и увезет ее в своей машине.

– Я ей скажу. Не сомневаюсь, что она будет в восторге. – Джин говорила заведомую неправду: Тана ненавидела Билли всю свою жизнь, однако мать заставляла ее быть с ним любезной при встречах. Теперь им снова предстоял нелегкий разговор: после всего, что сделал для них Артур, Тана обязана быть вежливой и принять приглашение, она не имеет права забывать о его благодеяниях.

– Но если я не хочу! – Тана упрямо посмотрела на мать, тогда как из ее комнаты разносились на всю квартиру оглушительные звуки стереосистемы. Пол Анка с чувством исполнял популярную песню «Положи головку мне на плечо» по меньшей мере уже в седьмой раз, приводя в исступление мать девушки.

– С его стороны очень мило пригласить тебя, Тэн. Ты можешь пойти хотя бы ненадолго. – Этот аргумент Джин использовала уже повторно: она твердо решила на сей раз взять верх над дочерью. Нельзя допустить, чтобы Тана показалась невежей.

– Что значит ненадолго? Час туда, час обратно. Кому это нужно – ехать в такую даль из-за десяти минут? – Она нетерпеливо перекинула через плечо длинные золотистые волосы. Тана знала, какой настойчивой может быть ее кроткая мать, когда речь идет о Дарнингах. – Оставь это, мам, я уже не ребенок! Почему я должна делать то, что мне не хочется? Почему ты считаешь грубостью простой отказ? У меня могут быть свои планы на этот вечер. Через две недели я уезжаю, мне хочется побыть со своими школьными друзьями. Ведь мы с ними расстанемся, возможно, навсегда... – У нее был такой несчастный вид, что Джин сказала с улыбкой:

– Мы обсудим это в другой раз.

Тана тихонько застонала: она хорошо знала, как проходят такие обсуждения: мать будет стоять насмерть, если дело касается Билли, не вызывающего у Таны ничего, кроме отвращения. А Энн была еще хуже брата: чванливая, надменная, сноб до мозга костей. Несмотря на показную вежливость, она не слишком-то стеснялась с Таной, которая догадывалась, что Энн ведет распутный образ жизни: на прежних вечеринках брата она слишком много пила. С Джин она говорила в снисходительной манере, что вызывало у Таны желание надавать ей пощечин. Но она знала, что любой, даже слабый намек на ее истинные чувства снова приведет к тяжелой стычке с матерью. Такое бывало уже не раз, и сегодня Тана не была к этому расположена.

– Запомни раз и навсегда, мам: я туда не пойду.

– Но ведь до субботы еще целая неделя! Зачем принимать решение именно сегодня?

– Я тебе уже сказала... – Зеленые глаза смотрели непреклонно, в них зажглись недобрые огоньки. Джин знала, что в такие минуты ее лучше не трогать.

– Что разморозить на обед? – спросила она дочь.

Зная ее испытанные тактические приемы, Тана решила поставить точку в их разговоре, не откладывая его на потом. Она последовала за матерью на кухню.

– Я уже вынула из морозилки бифштекс для тебя, а меня к обеду не жди – сегодня мы встречаемся с одноклассниками. – Она выглядела немного смущенной: ей хотелось самостоятельности, и в то же время она не любила оставлять Джин одну. Тана знала, как много дала ей мать, сколько принесла жертв. Она слишком хорошо понимала, что всем обязана ей, а вовсе не Артуру Дарнингу с его испорченными, эгоистичными, избалованными сверх всякой меры детками. – Ты не возражаешь, мам? Я собираюсь не на свидание. – Голос дочери звучал примирительно.

Джин обернулась и посмотрела на дочь: она казалась старше своих восемнадцати лет. Их связывали особые отношения: они очень долго жили одни, только мать и дочь; они делили горе и радость, плохое и хорошее: мать никогда еще не подводила Тану, а та была разумной и послушной дочерью.

Джин улыбнулась ей в ответ.

– Я хочу, чтобы ты имела друзей и ходила на свидания, моя радость. Завтра у тебя особенный день.

Назавтра они собирались пообедать в ресторане «21». Джин бывала там не иначе как с Артуром, но по случаю выпуска Таны можно было позволить себе некоторые излишества, и Джин решила, что ей нет нужды скаречничать. Она получала несравнимо большее жало-

ванье в «Дарнинг Интернэшнл», чем двенадцать лет назад, когда работала в адвокатской фирме, но оставалась по-прежнему очень бережливой и экономной. За восемнадцать лет, прошедших после гибели мужа, ей пришлось многое пережить. Всю жизнь ее одолевали заботы – Энди Робертс в этом отношении составлял ей полную противоположность. Тана походила скорее на отца: веселая и озорная, она чаще смеялась и воспринимала жизнь легче, чем Джин. Но, с другой стороны, и жить ей было легче: было кому любить и опекать ее. Жизнь девушки складывалась более удачно, и мать нередко напоминала ей об этом.

Джин достала сковородку, чтобы приготовить себе бифштекс. Тана ласково ей улыбнулась.

– Я с нетерпением жду завтрашнего вечера, мам. – Она была тронута, узнав, что мать поведет ее в такой дорогой ресторан.

– Я тоже. Куда ты идешь сегодня?

– В «Деревню», на пиццу.

– Будь осторожна, – озабоченно сказала Джин. Она всегда беспокоилась за дочь, куда бы та ни уходила.

– Я всегда осторожна, мам.

– Будут ли там мальчики, чтобы защитить тебя в случае необходимости? – Джин невольно улыбнулась, спросив об этом: порой так трудно определить, откуда исходит угроза, а откуда можно ожидать защиты; иногда то и другое неотделимы.

Прочитав ее мысли, Тана засмеялась:

– Будут. Можешь не волноваться.

– На то я и мать, чтобы волноваться.

– Ты у меня такая глупенькая, мам! Но я все равно тебя люблю. – Обняв мать за плечи, Тана поцеловала ее и исчезла за дверью своей комнаты, чтобы еще больше увеличить громкость музыки. Джин поморщилась. И вдруг услышала, что Тана подпевает певцу – она уже выучила песенку наизусть. Наконец она выключила плеер и вышла к матери в белом платье в черный горошек, перетянутом черным лакированным ремнем, в черно-белых туфлях-лодочках. Джин поразились наступившей благословенной тишине и одновременно подумала, как тихо станет в квартире после отъезда дочери в колледж – точно в могиле.

– Желаю тебе хорошо повеселиться.

– Спасибо. Я не задержусь, мам.

– На это я не рассчитываю. – Джин улыбнулась про себя: восемнадцатилетней дочери не установишь комендантский час, она это понимала. Но Тана вела себя большей частью благоразумно.

Джин слышала, как она вернулась где-то в половине двенадцатого. Тихонько постучавшись в дверь ее спальни, Тана шепнула:

– Я дома, мам, – после чего пошла к себе. Успокоенная Джин легла в кровать и заснула.

Следующий день стал незабываемым для Джин Робертс. Невинные юные девушки, одетые в белые платья и связанные между собой гирляндами из бело-розовых маргариток, образовали длинный ряд; позади них встали торжественно-серьезные юноши; и все они запели в унисон – их голоса взлетали к потолку, такие звонкие и чистые, их лица были такими свежими и цветущими! Казалось, им предстоит родиться заново, вступая в этот мир, полный политических страстей и интриг, полный лжи и инфарктов – все это ждет их за школьным порогом, чтобы причинить им страдания. Джин знала, что их жизнь теперь не будет такой гладкой, какой была до сих пор; слезы градом катились по ее щекам, когда все они выходили из зала и молодые голоса сплетались в общий хор – в последний раз. Из груди Джин рвались рыдания, и она не была одинока в проявлении своих чувств: отцы выпускников плакали, не таясь, как и матери...

И тут вдруг началось вавилонское столпотворение: едва выйдя в коридор, молодежь начала громко кричать, обниматься, обмениваться пылкими поцелуями, обещаниями, клятвами, которые вряд ли будут выполнены. Они клялись встречаться, ездить вместе в путешествия, не забывать... приехать скоро... на будущий год... когда-нибудь после... Джин наблюдала за ними исподтишка, в особенности за дочерью. Глаза у Таны стали как темные изумруды, лицо горело оживлением. И все они были такие возбужденные, такие счастливые, такие не искушенные жизнью...

Волнение Таны еще не улеглось, когда вечером того же дня они с матерью отправились в ресторан. Им подали деликатесный обед, и Джин преподнесла дочери сюрприз, заказав шампанское. Вообще говоря, Джин не хотела с таких лет приучать дочь к спиртному: судьба ее собственных родителей и Мери Дарнинг была еще свежа в ее памяти. Однако сегодня допускалось исключение.

Поздравив дочь с бокалом в руке, она преподнесла ей небольшой футляр от Артура. Выбирала подарок, конечно, сама Джин, как все другие подарки, даже и те, что предназначались его собственным детям. Внутри лежал красивый золотой браслет, который Тана надела себе на запястье с выражением сдержанной радости.

– Очень мило с его стороны, – сказала она без особого, впрочем, воодушевления, и обе они знали почему. Тана не стала вдаваться в дискуссии на эту тему, не желая огорчать Джин.

А к концу недели Тана проиграла ей решающую битву: у нее не хватило терпения слушать непрерывные материнские причитания, и она согласилась пойти на вечеринку к Билли Дарнингу.

– Но это в последний раз, мам. Договорились?

– В кого ты такая упрямая, Тана? Ведь тебе оказали любезность.

– Но почему? – Глаза девушки полыхнули зеленым огнем, и язык повернулся раньше, чем она успела сдержать себя. – Потому что я – дочь наемной служащей? Всемогущий Дарнинг снизошел до меня! Это все равно что пригласить горничную.

Глаза Джин наполнились слезами, а Тана удалилась к себе в комнату, проклиная свою несдержанность. Но она больше не могла видеть, как пресмыкается ее мать перед Дарнингами – не только перед Артуром, но и перед Энн, и перед Билли. Ей было нестерпимо, что каждое их слово или жест воспринимаются матерью как неслышанная милость, за которую надо униженно благодарить. Тана хорошо знала, что представляют собой вечеринки, устраиваемые Билли: реки вина, парочки в темных углах, приставания пьяных нахалов. Она ненавидела такие вечеринки, и эта не была исключением.

Один из друзей Таны, живущих неподалеку, привез ее в Гринвич в красном «Корвете», который взял у отца. Всю дорогу они проделали со скоростью восемьдесят миль в час: парень хотел произвести на нее впечатление, в чем, однако, не преуспел: Тана приехала на вечеринку в том же скверном настроении, в каком выехала из дома. На ней было белое шелковое платье и белые туфли без каблуков. Ее длинные стройные ноги смотрелись очень грациозно, когда она выбиралась из низко сидящей кабины автомобиля. Перекинув на спину золотистые пряди волос, она огляделась вокруг, заведомо не надеясь встретить знакомое лицо. Особенно ненавистны были ей эти вечера, когда Тана была маленькой и дети Артура открыто ее игнорировали. Теперь было проще. К ней направились трое молодых людей в полосатых хлопчатобумажных пиджаках, наперебой предлагая принести джин с тоником или что-нибудь другое по ее выбору. Она отвечала отказом и скоро смешалась с толпой гостей, потеряв из виду привезшего ее молодого человека. С полчаса она бродила по саду, кляня себя за то, что поддалась на уговоры. Развязные хохочущие девицы, собравшись компаниями, лихо поглощали пиво или джин с тоником, на них глазели молодые люди. Немного погодя заиграла музыка, и образовались пары танцующих. Еще через полчаса огни притушили, и разгоряченные алкоголем и танцами тела начали самозабвенно прикипать друг к

другу. Несколько пар, как успела заметить Тана, потихоньку ретировались. Только теперь она заметила наконец Билли Дарнинга, который, когда они подъехали, и не подумал их встретить. Он подошел к ней и окинул ее холодным, оценивающим взглядом. Раньше они встречались довольно часто, и каждый раз он оглядывал Тану заново, будто прицениваясь. Это всегда сердило ее, как рассердило и теперь.

– Привет, Билли!

– Здравствуй. Черт знает, какая ты стала длинная!

Такое приветствие ее не вдохновило, к тому же в нем не было смысла: он в любом случае был значительно выше ее. Но тут она заметила, что он уставился на ее высокий бюст, и ей захотелось ударить его. Она стиснула зубы и решила продемонстрировать хорошие манеры, хотя бы ради матери.

– Спасибо тебе за приглашение, – сказала она, хотя глаза ее говорили другое.

– Мы всегда приглашаем как можно больше девчонок.

«Точно скот, – подумала Тана. – Столько-то голов, столько-то ног, титек, ягодц...»

– Благодарю за откровенность.

Он засмеялся и передернул плечами.

– Пойдем погуляем?

Она хотела отказаться, но потом подумала: «А почему бы и нет?» Он был старше ее на два года, но держался всегда так, что его можно было принять за десятилетнего ребенка, если, конечно, забыть, что он уже десять лет как пьет. Он схватил ее за руку и повел сквозь толпу незнакомых ей людей в ухоженный сад, в дальнем конце которого находился крытый бассейн, где расположились его друзья. Накануне они уже успели сжечь стол и два кресла, и Билли просил приятелей умерить свой пыл, если они не хотят иметь дело с его отцом. Однако Артур, будучи не в состоянии выносить присутствие сына, предусмотрительно уехал на эту неделю в загородный клуб.

– Ты должна посмотреть, что мы там натворили, – Билли усмехнулся и махнул рукой в сторону бассейна, а Тана ощутила чувство досады при мысли о том, что восстанавливать эти разрушения придется ее матери. Она должна будет привести все в порядок и сверх того – успокоить Артура, когда он увидит этот вандализм.

– Почему бы вам не попытаться вести себя как люди, а не как животные? – Она взглянула на него с кроткой улыбкой, и он на секунду смешался.

Внезапно что-то злобное и сердитое промелькнуло в его устремленных на нее глазах.

– Очень даже глупо так говорить! Впрочем, мне помнится, ты всегда была круглой душой, скажешь, нет? Если бы мой предок не платил за твое обучение в частной нью-йоркской школе, ты скорее всего ошивалась бы сейчас в каком-нибудь бардаке на Западной стороне, ублажая тамошних учителей.

От изумления Тана лишилась дара речи и какое-то время смотрела на него, не произнося ни слова. Потом она повернулась и пошла прочь, слыша у себя за спиной его язвительный смех. «Что за мерзкий тип этот Билли!» – думала она, пробираясь назад к дому сквозь заметно погустевшую толпу. Большинство гостей было, как она отметила, старше ее, особенно девушки.

Немного погодя она увидела парня, который привез ее сюда. Глаза у него были красные, ширинка расстегнута, рубашка выехала из брюк. Рядом была девица, с которой они допивали уже наполовину пустую бутылку виски. Руки собутыльницы безо всякого стыда оглаживали интимные части его тела. Увидев такое, Тана с отчаянием подумала, что этот вариант возвращения домой отпадает: она ни за что не сядет в машину, если за рулем будет пьяный. Остается поезд. Можно также попытаться найти какого-нибудь трезвого попутчика, что, впрочем, маловероятно.

– Потанцуем?

Она удивленно повернулась и вновь увидела Билли. Глаза его покраснели еще больше, они смотрели на нее с вожделием, не отрываясь от ее груди. Она покачала головой.

– Спасибо, нет.

– Мои друзья отбивают себе задницы, трахая девчонок у бассейна. Хочешь посмотреть?

Ее замутило от этого предложения. Если бы он не выглядел столь омерзительно, она бы рассмеялась, вспомнив, как слепа была ее мать в своем поклонении перед «непогрешимыми» Дарнингами.

– Спасибо, нет.

– В чем дело? Может, ты еще целка?

При взгляде на его лицо ей сделалось нехорошо; она не хотела продолжать этот разговор. Пусть его думает, что он ей противен, тем более что это соответствует действительности.

– Я не хочу на это смотреть.

– Тьфу, дьявольщина! Почему нет? Это лучший вид спорта!

Тана повернулась и постаралась затеряться в толпе гостей, не понимая, почему он так упорно преследует ее в этот вечер; ей стало не по себе. Она еще раз окинула взглядом зал и не увидела его: скорее всего Билли присоединился к своим друзьям в бассейне. Если это так, то появится он не скоро. Ей надо успеть вызвать такси, доехать до железнодорожной станции и сесть в поезд. Это не самый приятный вариант, но и не самый трудный. Кинув взгляд через плечо, чтобы убедиться, что за ней никто не следует, она на цыпочках поднялась по задней лестнице к частному телефону, о существовании которого знала и раньше. Все получилось как нельзя лучше: Тана узнала по справочной нужный номер и вызвала такси. Ей обещали прислать машину в течение пятнадцати минут, после чего останется более чем достаточно времени до последнего поезда. Впервые за весь вечер она почувствовала облегчение, избавившись наконец от этих алкоголиков и наглецов, собравшихся там, внизу. Она медленно шла по застланному толстым ковром коридору, разглядывая висящие на стенах фотографии Артура, Мери и их детей в детском возрасте. Внезапно ей пришла в голову мысль, что здесь должны быть и фотографии Джин: она была как бы частью их семьи, от нее в большей степени зависело их благополучие, и было несправедливо исключать ее из семейного круга. Машинально она потянула на себя одну из дверей, зная, что эту комнату ее мать использует как кабинет, когда ей случается работать здесь. На стенах кабинета тоже были развешаны фото, но на этот раз Тане не пришлось их увидеть. Приоткрыв дверь, она услышала чей-то испуганный вскрик, увидела мелькнувшие в воздухе две белые «луны» и какую-то возню на полу. Поспешно захлопнув дверь, она отскочила назад и услышала, что позади нее кто-то засмеялся.

Она обернулась: Билли смотрел на нее все тем же похотливым взглядом.

– Ради бога... – Она считала, что он где-то внизу.

– А я думал, что ты не любишь подглядывать, мисс Недотрога.

– Я просто шла по этажу и натолкнулась нечаянно... – Она покраснела до самых корней волос, чувствуя на себе его язвительную усмешку.

– Черт побери, зачем ты забрела сюда, Тэн? – Он много раз слышал, как Джин называет ее этим ласковым именем, но это было домашнее имя, и ей было неприятно, что его употребил Билли: он никогда не принадлежал к числу ее друзей. Отнюдь.

– Здесь обычно работает моя мама.

– Нет. – Он сделал вид, что удивился ее неосведомленности. – Она работает в другом месте.

– Я хорошо это помню. – Тана посмотрела на свои часы, опасаясь опоздать на такси. Однако сигнала еще не было слышно.

– Если хочешь, я покажу тебе, где она на самом деле работает.

Он направился по коридору в противоположную сторону, и Тана засомневалась, как ей быть. Спорить с ним не хотелось, хотя она была уверена, что Джин пользуется именно этой комнатой. В конце концов, он здесь живет, ему лучше знать. Ей было неловко стоять там: из-за двери начали доноситься недвусмысленные вскрики и стоны. До прихода такси еще оставалось несколько минут, и она от нечего делать последовала за Билли. Он распахнул дверь в какую-то комнату.

– Вот здесь!

Тана вошла в нее и, оглядевшись, убедилась, что это не был рабочий кабинет ее матери. Большую часть помещения занимала огромная кровать, покрытая серым плюшевым покрывалом с шелковыми оборками; на стоявшем рядом шезлонге лежало одеяло из меха опоссума и другое – из искусственного серого меха. Ковер тоже был серый, с красивым рисунком. Тана была раздосадована.

– Очень странно! Это спальня твоего отца, разве нет?

– Да. В ней и работает твоя мать. Большую часть работы старушка Джин выполняет именно здесь.

Тане захотелось вцепиться ему в волосы и отхлестать его по щекам, но она сдержала себя. Ни слова не говоря, она повернулась, чтобы уйти, но он схватил ее за руку и втащил обратно, захлопнув дверь ударом ноги.

– Сейчас же отпусти меня, ты, дерьмо! – Тана попыталась выдернуть руку, но, к своему удивлению, обнаружила, что он сильнее, чем можно было ожидать. Билли грубо схватил ее за плечи и с силой прижал к стене, так что ей стало трудно дышать.

– А ну, покажи, сучка, как работает твоя мама! – Он больно заломил ей руки назад. Она задыхалась, на глазах выступили слезы – не столько от страха, сколько от бессильного гнева.

– Я не останусь здесь больше ни одной минуты! – Она попыталась оттолкнуть его от себя, но он снова кинул ее на стену, больно стукнув затылком о камень. Увидев его глаза, она испугалась по-настоящему. А он хохотал ей прямо в лицо, у него был вид сумасшедшего. – Не будь кретином, Билли! – Голос Таны срывался от негодования и испуга.

Его глаза зловеще сверкнули. Одной рукой он стиснул оба ее запястья – она и понятия не имела, какая сила таится в его руках, – а другой расстегнул «молнию» на ширинке и брючный ремень. Схватив ее руку, он подтянул ее к себе.

– Потрогай вот эту штуку, маленькая потаскушка!

Ее лицо побелело от ужаса, она рванулась, чтобы освободиться, но он снова ударил ее головой о стену. Она сопротивлялась изо всех сил, а он смеялся над ее беспомощностью. И тут Тану охватил панический ужас: она поняла, что происходит. Билли с силой ударял девушку головой о стену, еще и еще, пока у нее на губах не показалась тоненькая струйка крови; вцепившись в ее платье, он разодрал его надвое, обнажив смуглое от загара, стройное тело; она почувствовала на себе его грубые руки; они хватали ее, тискали, мяли, давили; они были везде: на ее животе, на грудях, на бедрах... Он нажимал на нее что было сил, проводя слюнявым языком по лицу, обдавая его спиртным перегаром; внезапно он засунул руку ей между ног, она вскрикнула и укусила его за шею, но он и тут ее не выпустил. Захватив большую прядь длинных белокурых волос, он начал зверски наматывать их на свой кулак, пока Тане не показалось, что они вырываются с корнями; при этом он кусал ей лицо. Она молотила кулаками по его спине, била коленями; ей было нечем дышать, и теперь она боролась не только за свою честь, но и за жизнь. Обессиленную, задыхающуюся от рыданий, он повалил Тану на толстый серый ковер и сорвал с нее все, что на ней оставалось, включая ажурные белые трусики. Она билась в истерике, умоляя о пощаде, а он стянул с себя брюки и, отбросив их в сторону, навалился на нее всей тяжестью, пригвоздив девушку к полу; он приподнялся лишь затем, чтобы раздвинуть ее бедра; казалось, он готов разломать

ее на части; пальцы его впивались вовнутрь, раскрывая и обнажая ее плоть, после чего он прикинул к ней губами и языком. Тана страшно кричала и пыталась вырваться, а он с силой швырял ее обратно; она была почти без сознания, когда он овладел ею. Взгрозившись на свою полуживую жертву всем телом, он вламывался в нее снова и снова, пока наконец не достиг желанной кульминации. Она едва дышала, глаза ее помутнели, на сером ковре под ней расплывалось красное пятно.

Билли Дарнинг встал и довольно усмехнулся, она осталась лежать. Он поднял с ковра свои брюки и посмотрел на недвижимую девушку.

– Спасибо, Тэн.

В эту минуту дверь отворилась и вошел один из его друзей.

– О господи! Что ты с ней сделал?

Тана была почти без сознания, голоса доносились до нее смутно, будто издалека.

Билли пожал плечами.

– Пустяки! Ее старуха – платная подстилка моего отца.

Друг засмеялся.

– Похоже, вы неплохо провели время, по крайней мере один из вас. – Увидев кровь на светлом ковре, он спросил: – У нее что, месячные?

– Наверное, – равнодушно ответил Билли, застегивая брюки.

Тана все еще лежала на полу с раскинутыми ногами, точно сломанная кукла, а они стояли над ней и смотрели. Наконец Билли наклонился и похлопал ее по щекам.

– Все, Тэн! Вставай!

Она не пошевелилась. Тогда он пошел в ванную, намочил полотенце и набросил на нее, будто она сама могла что-то с ним сделать. Только через десять минут Тана с трудом повернулась, и ее вырвало. Билли снова схватил ее за волосы.

– Не смей блевать на ковер! Грязная свинья!

Он рывком поднял ее на ноги и приволок в туалет. Она наклонила голову над унитазом, а он перешагнул через нее и захлопнул за собой дверь. Прошло много времени, прежде чем она пришла в себя; из ее горла вырвались сдавленные рыдания... Вызванное ею такси давно ушло, она пропустила последний поезд; но еще более страшной была мысль о случившемся с ней непоправимом несчастье: ее изнасиловали. Тану всю трясло, зубы стучали, во рту у нее пересохло; к тому же страшно болела голова, и она не могла сообразить, как ей теперь добраться до дому. Ее платье было разорвано, туфли перепачканы кровью. Она сидела, сжавшись в комок, на полу туалета, как вдруг снова появился Билли. Он бросил ей платье и туфли сестры и взглянул на нее блуждающим взглядом. Он был вдрызг пьян.

– Одевайся, я отвезу тебя домой.

– А что потом? – Она вдруг закричала на него не своим голосом: – Что ты скажешь своему отцу?

Он нервно оглянулся и посмотрел внутрь спальни.

– Про что? Про ковер?

– Про меня! – Она снова впала в истерику.

– Ну, это не моя вина, малютка! Ты сама меня раздражила.

Эти слова привели ее в полный транс. Теперь она хотела только одного: поскорее выбраться отсюда, даже если б ей пришлось проделать весь путь до Нью-Йорка пешком. Схватив одежду в охапку, она резко оттолкнула его и кинулась в спальню Артура. Нагая, с развевающимися всклокоченными волосами, с заплаканным лицом, она проскочила мимо приятеля Билли, который при виде ее засмеялся нервическим смехом.

– А вы с Билли, видать, неплохо развлеклись, ха-ха!

Тана посмотрела на него дикими глазами и вбежала в находившуюся при спальне ванную комнату. Надев на себя платье и туфли Энн, она спустилась вниз. Последний поезд

ушел, нечего было и думать найти такси. Музыканты уже уехали. Она бросилась бежать по подъездной дорожке, не думая об оставленном разорванном платье, о сумочке. Главное побыстрее уйти отсюда. Можно остановить полицейскую машину, доехать на попутке или как-нибудь еще... Слезы застилали ей глаза, не хватало воздуха. Вдруг ее осветили сзади яркие огни фар. Тана ускорила бег, инстинктивно догадываясь, что Билли едет следом за ней. Услышав, как зашуршали шины по гравийному покрытию дорожки, она свернула в сторону, под тень деревьев. Он нажал на клаксон и закричал:

– Садись, я отвезу тебя домой!

Тана не отвечала и только тихонько плакала, смачивая слезами свои длинные спутанные волосы. Она петляла меж деревьями, а он ехал, повторяя ее путь. Дорожка была совершенно пустынно. Наконец Тана обернулась и закричала на него в полной истерике:

– Оставь меня!

Она остановилась, присела на корточки и, рыдая, обняла колени. Он вышел из машины и медленно приблизился к ней. Ночной воздух немного отрезвил его, и теперь он уже не казался невменяемым. Вид у него был хмурый. На месте пассажира сидел его друг, молча наблюдающий за ними, не выходя из длинной, сверкающей зеленым лаком гоночной машины марки «ХКЕ».

– Давай я отвезу тебя домой. – Билли стоял посередине шоссе, широко расставив ноги, освещенный падающим сзади зловещим светом фар. – Садись в машину, Тэн.

– Не смей называть меня так! – Она напоминала испуганного ребенка. Билли никогда не был ее другом, а теперь, когда... Из груди у нее рвался безудержный крик при одной мысли об этом, но у нее не осталось сил даже кричать, не то что бежать дальше. Все ее члены ныли, голова разламывалась от боли, на лице и на бедрах засохла кровь. Она посмотрела на него бессмысленным взглядом и, шатаясь, заковыляла по дороге; он попытался схватить ее за руку, но она взвизгнула и бросилась бежать. Он постоял немного, глядя ей вслед, потом повернул обратно.

– Ну и черт с тобой! Было бы предложено, не хочешь – не надо.

Тана шла спотыкаясь, ничего не видя перед собой и охая от боли. Минут через двадцать он нагнал ее снова. Нажав на завизжавшие тормоза, он выскочил из машины и схватил ее за руку. Увидев, что другого парня теперь с ним нет, она решила, что Билли хочет изнасиловать ее снова. Охваченная ужасом, она начала отбиваться, но он подтащил ее к машине и, осыпая бранью, втолкнул внутрь. От него опять пахло виски.

– Какого дьявола! Сказал же я, что хочу отвезти тебя домой. Садись в эту треклятую машину и не рыпайся!

Он грубо швырнул ее на сиденье, и Тана поняла, что спорить с ним бесполезно. Они здесь одни, Билли может сделать с ней все, что захочет, – он это уже доказал. Тана покорно села позади него, и машина помчалась в ночь. Она почти не сомневалась, что он увезет ее куда-нибудь и изнасилует вторично, но он свернул на автостраду. Поднявшийся в машине прохладный ветерок, по-видимому, привел в чувство их обоих. Он то и дело оборачивался и смотрел на нее, потом указал рукой на стоявшую на полу коробку с бумажными салфетками.

– Возьми оботрись.

– Зачем?

Она смотрела прямо перед собой невидящим взором. Шел уже третий час ночи. По шоссе с шумом проносились редкие грузовики.

– Ты не можешь появиться дома в таком виде.

Она ничего не ответила, даже не повернулась к нему. Ее не покидало чувство страха, что он остановится и снова возьмет ее силой. Но теперь он не достигнет ее врасплох: она выбежит на шоссе, встанет на пути проходящих машин, и, может быть, какая-нибудь из них остановится. Тана все еще не могла поверить в то, что он с ней сделал. Теперь ее мучила

мысль о том, не была ли она виновата сама: может, она не сумела оказать достаточного сопротивления? Может, сделала что-то такое, что поощрило его? Думать так было невыносимо... Вдруг она заметила, что длинная гоночная машина едет зигзагами. Повернувшись к нему, Тана увидела, что он спит, упав головой на руль. Она дернула его за рукав, он вздрогнул и взглянул на нее, ничего не понимая.

– Проклятье! Смотри, куда едешь! Так можно попасть в аварию. – «И пусть, он того заслуживает», – подумала Тана. Ей очень хотелось бы видеть его мертвым на обочине шоссе. – Ты заснул за рулем! Тебе надо проспать.

– А? Что? – Теперь он казался не столько злым, сколько усталым.

Некоторое время машина шла ровно, потом снова начала вилять. На этот раз Тана не успела разбудить его: мимо них на большой скорости мчался грузовик с прицепом, и легкую машину Билли занесло. Послышался ужасающий визг тормозов, грузовик потерял управление и перевернулся. Машина Билли, чудом не задевшая прицеп, врезалась в дерево. Тана сильно ушибла голову; она долго сидела, вперив неподвижный взор в одну точку. Вдруг сбоку от нее послышались негромкие стоны. Лицо Билли было залито кровью, но Тана не пошевелилась. Потом дверца распахнулась, и пара чьих-то сильных рук легла ей на плечи. Не помня себя от страха, девушка закричала. Все, что произошло этой нескончаемой ночью, разом нахлынуло на нее, и она потеряла контроль над собой. Безумно рыдая, Тана порывалась убежать из машины. Двое водителей остановившихся грузовиков пытались успокоить ее в ожидании прибытия полиции; глаза у нее были дикие, она не воспринимала происходящее.

У Билли шла из головы кровь, под глазом был большой синяк. Полиция не заставила себя долго ждать, следом за ней появилась «Скорая помощь». Всех троих пострадавших доставили в расположенный неподалеку медицинский пункт Ньюрошелской больницы. Водителя грузовика отпустили почти сразу: он пострадал значительно меньше, чем его автомобиль. Билли наложили швы на голову. В протоколе указали, что он вел машину, находясь в состоянии опьянения, и поскольку такое замечалось за ним уже в третий раз, это могло грозить ему лишением водительских прав сроком на один год, что расстроило его больше, чем подбитый глаз. Тана была вся в крови, но у медиков, как ни странно, по-видимому, не было желания расспрашивать ее о том, что произошло, а она каждый раз впадала в истерику, едва начинала говорить об этом. Симпатичная девушка-медсестра обтерла ее влажной салфеткой, пока Тана лежала на смотровом столе и плакала. Ей дали успокоительное, и ко времени прибытия Джин она уже наполовину спала.

– Что случилось, Билли?.. Боже! – Джин увидела повязку на его глазу. – С тобой ничего страшного?

– Надеюсь. – Он смущенно улыбнулся, и она в очередной раз увидела, какой это красивый юноша, хотя он больше походил на мать, чем на отца. Внезапно улыбка погасла, и на его лице отразился испуг. – Ты позвонила отцу?

Джин Робертс отрицательно покачала головой.

– Мне не хотелось его пугать. По телефону сказали, что с тобой все в порядке, и я решила сначала посмотреть на вас обоих сама.

– Благодарю. – Он посмотрел на спящую Тану и нервно передернул плечами. – Прошу прощения за... за то, что я... что мы разбили машину.

– Главное, что никто из вас не пострадал сколько-нибудь серьезно.

Она нахмурилась, увидев спутанные волосы дочери. Однако следов крови на ней уже не было. Медсестра попыталась объяснить, в каком нервическом состоянии была Тана, когда ее привезли.

– Мы дали ей снотворное: сейчас ей необходим покой.

Джин Робертс снова нахмурилась.

– Она была пьяна?

Мать Таны уже знала, что Билли был пьян, но если еще и Тана... Однако медсестра этого не подтвердила.

– Не думаю. Скорее испугана, как мне кажется. У нее на голове здоровая шишка, а больше мы ничего не нашли – ни признаков сотрясения мозга, ни повреждений в области позвоночника. В любом случае за ней надо понаблюдать.

Услышав их разговор, Тана открыла глаза и посмотрела на мать, не узнавая. Потом тихонько заплакала. Джин обняла ее и начала утешать:

– Ну что ты, малышка... Все в порядке.

Дочь покачала головой, горестно всхлипывая.

– Нет, не в порядке... Он... – При виде стоявшего рядом и злобно глядевшего на нее Билли слова застряли у нее в горле. Ей показалось, что сейчас он снова ударит ее, и она отвела глаза. Ее душили рыдания. Она не могла выдержать этот взгляд, не могла и не хотела видеть его самого – никогда в жизни...

Она легла на заднее сиденье материнского «Мерседеса», и Джин завезла Билли домой. Она оставалась с ним довольно долгое время. Они выдворили из сада последних гостей, выгнали с полдюжины других из воды, выволокли две пары из постели Энн и утихомирили друзей Билли, обосновавшихся в крытом бассейне. Когда Джин вернулась к машине, она уже знала, что это будет стоить ей не меньше недели работы. Они поломали половину мебели, сожгли часть растений, вспороли обивку кресел, испятнали ковры и залили содержимым пластмассовых бокалов кадучки с ананасовыми деревьями. Джин не хотела, чтобы Артур видел свой дом до того, как она приведет все в порядок. С тяжелым вздохом она села в машину и посмотрела на неподвижно лежащую дочь. Тана, находившаяся под действием седативных лекарств, выглядела до странности спокойной.

– Слава богу, что они не добрались до спальни Артура. – Она завела мотор. Тана сделала слабый жест, пытаясь что-то возразить, – говорить она не могла. – Ты не ранена? – Это было единственное, что имело значение для Джин: ведь они могли погибнуть, их спасло чудо. Когда в три часа ночи ее поднял телефон, она сразу подумала об этом. За несколько часов до звонка интуиция ей подсказала: что-то должно произойти. Трубку она сняла почти мгновенно. Предчувствие ее не обмануло. – Как ты себя чувствуешь?

Тана в упор посмотрела на мать и лишь покачала головой: у нее не было сил ни на что другое.

– Я хочу домой.

Из глаз ее снова полились слезы, и Джин опять подумала, что ее дочь пьяна. Судя по всему, ночь была ужасная и Тана была участницей кошмарных происшествий. Наконец Джин заметила, что на дочери другое платье, не то, в котором она уехала из дома.

– Ты что, купалась там?

Тана приняла сидячее положение, чувствуя, как кружится у нее голова, и отрицательно мотнула головой. Посмотрев на нее в зеркало, укрепленное на щитке, Джин увидела какое-то странное выражение в глазах дочери.

– Что с твоим платьем?

Равнодушным, будто чужим, голосом Тана проговорила:

– Его сорвал Билли.

– Что ты сказала? – Джин искренне удивилась, потом спросила с недоверчивой улыбкой: – Он, наверное, бросил тебя в воду?

Дальше этого ее воображение не простиралось – ведь речь шла о ее обожаемом любимце! Если Билли даже и выпил немного, он, по ее мнению, был абсолютно безобидным. Им здорово повезло, что их машина не столкнулась с грузовиком. Это – хороший урок для обоих.

– Надеюсь, ты запомнишь сегодняшний урок, Тэн.

Услышав это ласковое имя, которое употреблял Билли, дочь снова начала всхлипывать. Наконец Джин съехала на обочину и спросила напрямик:

– Что это с тобой? Ты напилась? Или приняла наркотики?

В ее голосе и в глазах было осуждение, какого она не выразила в адрес Билли. «Как несправедливо устроена жизнь! – подумала про себя Тана. – Но ведь мать еще не знает, что натворил этот замечательный мальчик, Билли Дарнинг». Она посмотрела матери прямо в глаза.

– Билли изнасиловал меня в спальне своего отца.

– Тана! – Джин Робертс пришла в ужас. – Что ты такое говоришь? Билли никогда такого не допустит. – Она гневалась на своего единственного ребенка, а не на сына любовника, не в состоянии поверить, что он способен на такой поступок. Это ясно читалось на ее лице. – Это ужасно, то, что ты сказала.

«Это ужасно, то, что он сделал», – стояло в голове у Таны. Мать смотрела на нее с нескрываемым возмущением.

Две круглых слезы скатились по щекам девушки.

– Он это сделал. – Ее лицо исказилось при воспоминании о кошмарной сцене. – Клянись тебе... – У нее снова начинался нервический припадок.

Джин отвернулась и завела мотор. Больше она не смотрела на дочь, сидящую на заднем сиденье.

– Я не хочу и слышать о таких вещах – в связи с чьим бы то ни было именем! – Билли был безобидный мальчик, которого Джин знала с десяти лет. Она даже не дала себе труда задуматься над тем, что побудило Тану сказать такие слова: ее, видимо, больше волновал сам Билли, или Энн, или Артур... – Я запрещаю тебе повторять это когда бы то ни было! Ясно?

Ответом ей было молчание. Тана сидела позади нее с ничего не выражающим лицом. Она никогда больше не скажет этого. Ни о Билли и ни о ком другом. Что-то внутри ее будто умерло – навсегда.

Глава 4

Лето пролетело незаметно. Тана провела две недели в Нью-Йорке, медленно оправляясь от пережитого кошмара. Джин каждый день ходила на работу. Дочь внушала ей опасения, вызванные не вполне понятными причинами: Тана ни на что не жаловалась, но могла часами сидеть, глядя прямо перед собой и прислушиваясь неизвестно к чему; она не виделась с друзьями, не отвечала на телефонные звонки. В конце недели Джин даже решила на то, чтобы поделиться своими сомнениями с Артуром. К этому времени в его доме был наведен порядок, а Билли со своими друзьями отправился в гости к однокурсникам, живущим в Малибу. Помещение над бассейном они разорили довольно-таки основательно, но самый большой ущерб был нанесен спальне Артура: посередине большого и дорогого ковра зияла дыра, будто вырезанная ножом. По этому поводу отец имел с сыном крупный разговор.

– Боже правый! Что вы за дикари? Мне следовало отдать тебя не в «Принстон», а в «Уэст-Пойнт»¹, чтобы там вложили тебе ума. В мое время я не знал никого, кто мог бы вести себя подобным образом. Ты видел ковер в моей спальне? Они испортили его напрочь.

Билли охотно соглашался с ним и сердился на своих друзей.

– Извини, отец. Немного недоглядел.

– Это называется «немного»! А машина? Ведь вы с дочерью Робертс уцелели лишь чудом!

Однако все сошло Билли с рук. Синяк под глазом еще оставался, но швы над бровью скоро сняли. И он по-прежнему гулял вечерами вне дома, задерживаясь допоздна, пока они не отбыли в Малибу.

– Ох уж мне эти детки! – проворчал Артур, выслушав сетования Джин, которая уже не в первый раз упоминала о странностях в поведении дочери. Она начинала опасаться, что травма головы была более серьезной, чем посчитали врачи. – Как она сейчас?

– Ты знаешь, в ту ночь она была в бреду... не иначе.

Джин помнила ту странную историю, которую дочь пыталась ей рассказать в связи с Билли. Тана явно была не в себе. Артур принял тревоги Джин близко к сердцу.

– Надо добиться повторного освидетельствования, – сказал он.

Однако, когда Джин заикнулась об этом, дочь наотрез отказалась. Мать была не уверена, что Тана чувствует себя настолько здоровой, чтобы отправиться на летние работы. Однако накануне отъезда в Новую Англию Тана спокойно собрала вещи, а утром, как всегда, вышла к завтраку. Лицо ее было усталым и бледным, но, когда мать поставила перед ней стакан апельсинового сока, Тана улыбнулась – впервые за последние две недели. Джин едва не расплакалась от радости. Со дня аварии дом выглядел точно могильный склеп: ни голосов, ни музыки, ни смеха, ни телефонных звонков. Мертвая тишина, и потухшие глаза Таны.

– Я так соскучилась по тебе, Тэн.

При звуках этого имени глаза дочери наполнились слезами. Она кивнула, не будучи в состоянии говорить: у нее не осталось слов – ни для кого. Ей казалось, что жизнь кончена. Никогда не позволит она прикоснуться к себе ни одному мужчине – это она знала наверняка. Никто никогда не сделает с ней того, что сделал Билли Дарнинг. И самое страшное заключалось в том, что мать не стала ее слушать и не допустила даже такой мысли. По ее мнению, это было невероятно, а значит, этого не было вовсе.

– Ты в самом деле считаешь себя достаточно здоровой, чтобы поехать в лагерь?

Тана уже думала об этом: выбор имел для нее важное значение. Можно было провести остаток жизни, прячась от людей, чувствуя себя калеккой, жертвой насилия, которую смяли,

---

¹ «Уэст-Пойнт» – название военного училища в США.

раздавили и выбросили на свалку. Но можно было снова выползти на божий свет и вернуться к жизни. Тана выбрала последнее.

– Я буду в полном порядке, мам.

– Ты уверена? – Дочь показалась ей спокойной, собранной, заметно повзрослевшей, как если бы травма головы положила конец ее юности. А может, в этом был повинен испуг. Во всяком случае, Джин еще не приходилось наблюдать столь разительную перемену за такое короткое время. Артур твердил о том, что Билли ведет себя, как послушный сын, хотя Джин знала, что ко времени отъезда он уже принялся за старое. Это был явно другой случай. – Тана, солнышко, если ты почувствуешь себя не совсем хорошо, сразу же возвращайся домой. До начала занятий в колледже тебе надо окрепнуть.

– Я буду в порядке, – повторила дочь, надевая на плечо ремень дорожной сумки.

Как и в предыдущие два года, она села в автобус, идущий на Вермонт. Работать летом в лагере ей нравилось, однако на этот раз все было иначе. Окружающие отметили, что Тана Робертс стала другой – молчаливой, замкнутой, не улыбочивой. Она общалась только с персоналом лагеря и с детьми. Все, кто знал ее раньше, с грустью отметили эту перемену. «Видимо, что-то случилось у нее дома, – гадали они, – а может, сама нездорова... Какая жалость, ее будто подменили». Никто не знал истинную причину. В конце лета Тана села в автобус и вернулась домой. В этот сезон она не завела новых друзей, если не считать ребятшек; но даже и у них она не пользовалась такой популярностью, как раньше. «Тана Робертс стала какая-то не такая», – единодушно решили дети. И они были правы.

Тана пробыла два дня дома, по-прежнему избегая старых друзей. Уложив вещи, она села в поезд с чувством глубокого облегчения. Ей вдруг захотелось оказаться далеко-далеко от дома, от Артура, от Джин, от Билли и даже от школьных подруг. Той беззаботной девушки, которая окончила школу три месяца назад, больше не было. Вместо нее было существо оскорбленное, преследуемое воспоминаниями, с рубцами на душе. Однако, сев в поезд, помчавший ее в сторону Юга, она начала понемногу возвращаться к жизни. Ей было необходимо уехать как можно дальше от этой лжи и обмана, от интриг, от всего, чего они не хотят видеть, чему не хотят верить. После того как Билли Дарнинг взял ее насильно, она не хотела показываться им на глаза: они больше не существовали для нее. Раз они не признают за Билли эту вину... Но кто «они»? Ведь она сказала об этом только Джин. И если уж собственная мать ей не поверила, она не хочет больше думать об этом, не хочет думать ни о ком из них. Она едет далеко на Юг и, возможно, никогда не вернется домой. Хотя вряд ли... Тана помнила последние слова матери: «Ты ведь приедешь на День благодарения, не правда ли, Тэн?» Ей показалось, что мать боится ее глаз, видя в них нечто такое, что предпочитала бы не видеть: из них рвалась непроходящая, неприкрытая боль, которую мать была не в силах излечить. Тана не хочет приезжать ни на День благодарения, ни после. Она бежит от их мелочной, мещанской жизни, от лицемерия, от этих варваров – Билли и его друзей, от Артура, столько лет эксплуатировавшего Джин, обманывавшего жену... от самообмана матери. Тана больше не может выносить это: она должна бежать, бежать как можно дальше... и никогда не возвращаться... никогда.

Она любила размышлять под стук колес, и ей стало жаль, когда поезд остановился в Йолане. Колледж «Грин-Хиллз» находился в двух милях от станции. За ней прислали старенький, громыхающий фургончик с седовласым стариком негром в качестве водителя. Он приветствовал ее широкой белозубой улыбкой, но Тана отнеслась к нему настороженно.

– Вы, наверное, долго ехали, мисс? – спросил он, помогая ей укладывать в кузов сумки.

– Тринадцать часов, – ответила Тана.

Всю короткую дорогу до колледжа она хранила молчание, готовая выскочить из кабины и закричать, лишь только он попытается остановить машину. Водитель уловил ее

настроение и не продолжал попыток завязать дружеский разговор, начав вместо этого насвистывать какую-то мелодию, а потом запел незнакомые Тане песни далекого Юга.

Когда они прибыли на место, она приветливо ему улыбнулась:

– Спасибо за поездку.

– Пожалуйста, мисс, в любое время готов услужить – вы только зайдите в офис и спросите Сэма. Я отвезу вас, куда вы захотите, и все вам покажу. – Он весело засмеялся и добавил с характерным южным акцентом: – Правда, здесь не так уж много мест, которые стоит смотреть.

С самого момента приезда Тана не переставала любоваться здешней природой: высокие, величавые деревья, яркие клумбы, свежая, зеленая трава, а теплый, настоящий на аромате цветов воздух будто застыл в неподвижности. Хотелось идти и идти, не останавливаясь, по этой траве, дышать этим воздухом. А впервые увидев сам колледж, она замерла на месте со счастливой улыбкой на лице: именно таким он рисовался ее воображению. Прошлой зимой она собиралась приехать сюда, чтобы ознакомиться со всем лично, но не смогла – не хватило времени. Пришлось ограничиться беседой с представителем колледжа, объезжавшим города Севера, и рекламным буклетом. В академическом отношении это было одно из лучших учебных заведений страны, но Тана этим не довольствовалась: ее привлекали окружавшие его легенды и закрепившаяся за ним репутация хорошо поставленного колледжа старого толка. Даже аура старомодности не отталкивала, а скорее притягивала Тану. И теперь, глядя на симпатичные, прекрасно сохранившиеся старинные здания с высокими колоннами и красивыми балкончиками, выходящими на небольшое озеро, девушка испытывала такое чувство, что наконец-то она дома.

Тана отметилась в приемной, заполнила какие-то формы, вписала свое имя в длинный список абитуриентов, выяснила, где будет жить, и недолгое время спустя Сэм погрузил ее вещи на выдавшую виды двухколесную тележку. Тане показалось, что она совершает путешествие в прошлое, и впервые за последние месяцы ей стало легко и покойно. Здесь не будет Джин, и, значит, не придется постоянно объяснять, что у тебя на душе: здесь она не будет слышать ненавистные имена Дарнинггов, не будет видеть отражающиеся на лице матери тайные страдания, вызванные мыслями об Артуре, не будет слышать упоминаний о Билли; ей было невыносимо тяжело даже находиться с ними в одном городе; в первые месяцы после изнасилования она хотела лишь одного – бежать, скрыться от людей. Потребовалось немалое мужество, чтобы заставить себя поехать в летний лагерь; каждый проведенный там день мог быть приравнен к выигранной битве. Тана вздрагивала всякий раз, когда кто-то из мужчин или даже подростков подходил к ней слишком близко. Здесь по крайней мере исключается этот страх: колледж женский, и ей не придется ходить на вечера танцев, на совместные экскурсии, на футбольные матчи. Общественная жизнь колледжа привлекала ее, когда она подавала сюда документы, но не теперь. В последние три месяца ее не влечет абсолютно ничто, и все же... все же... здесь даже воздух имеет какой-то особый, нежный запах. Шагая рядом с тележкой, она взглянула Сэму в лицо и улыбнулась. Он широко улыбнулся в ответ.

– Далеконько вы заехали, мисс, – проговорил старый негр. В глазах у него плясали веселые чертенята, кучерявые белые волосы казались мягкими и пышными, точно хлопок.

– Да, далековато. Зато как здесь красиво!

Она посмотрела на озеро, потом оглянулась на белые здания, веером раскинувшиеся позади нее; впереди каждого из них стояло здание поменьше. Это напоминало богатое поместье, каковым оно и было когда-то. Здания содержались в идеальном порядке. Тана почти пожалела, что ее мать не видит такой красоты. «Надо будет привезти ее сюда», – мельком подумала она.

– А знаете, мисс, раньше здесь жили плантаторы, – Сэм рассказывал это сотням девушек, приезжающих сюда каждый год. – И мой дед был здесь рабом, – добавлял он не без

хвастиливой гордости: ему нравилось видеть их распахнутые от удивления глаза. Они были такие юные и почти такие же симпатичные, как его собственная дочь, если не считать того, что она теперь взрослая женщина и сама имеет детей. Эти девушки тоже выйдут замуж и нарожают ребятшек. Сэм знал, что каждый год, по весне, они возвращаются сюда с разных концов страны, чтобы совершить свадебный обряд в красивой церкви, расположенной на территории колледжа; после каждой выпускной церемонии таких пар набирается не меньше дюжины. Он взглянул на Тану, шагающую сбоку от него, и загадал, сколько времени продержится эта новенькая. Она была одной из самых красивых когда-либо виденных им студенток: длинные стройные ноги, копна белокурых волос и немыслимо зеленые глаза. А какое лицо!.. Если бы Сэм знал ее поближе, он бы не упустил случая пошутить с ней: дескать, ее можно принять за кинозвезду из Голливуда. Однако его спутница была менее общительной, чем большинство других девушек. Сэм успел заметить, что она необычайно застенчива.

– Вы бывали здесь раньше, мисс?

Отрицательно мотнув головой, Тана посмотрела на здание, близ которого остановилась тележка.

– Это и есть «Дом Жасмина», один из самых красивых наших домов. Сегодня я проводил сюда уже пятерых твоих подруг, а всего вас здесь будет жить около двадцати пяти. За вами будет присматривать домовая наставница, – тут он расплылся в лукавой улыбке, – хотя я не думаю, чтобы кто-нибудь из вас нуждался в этом. – Он рассмеялся раскатистым, мелодичным смехом, и Тана невольно улыбнулась, помогая ему выгружать свои сумки.

Она вошла следом за ним вовнутрь и оказалась в красиво убранной гостиной. Мебель была почти вся старинная: либо английская, либо в стиле первых американских поселенцев; нарядная обивка диванов и кресел радовала глаз; на письменном столе и на маленьких столиках по углам красовались в хрустальных вазах роскошные букеты цветов. В гостиной чувствовалась домашняя атмосфера и в то же время ощущался некий аристократический налет на всем: все было так презентабельно и чинно, что, казалось, сюда можно входить не иначе как в шляпе и белых перчатках. Тана невольно взглянула на свою помятую клетчатую юбку, на запыленные мокасины и гольфы. Навстречу ей шла через комнату женщина в строгом сером костюме, с седыми буклями и голубыми глазами, окруженными сетью лучистых морщинок. Это была их наставница Джулия Джонс, занимающая эту должность свыше двадцати лет. Единственным ее украшением была нитка жемчуга, видневшаяся из-под жакета. Тана решила, что она напоминает ей чью-то тетю.

– Добро пожаловать в «Дом Жасмина», моя милая, – сказала наставница, чопорно растягивая слова на южный манер. – На кампусе двенадцать таких домов, но нам хочется думать, что наш дом самый лучший.

Джулия лучезарно улыбнулась девушке и предложила ей выпить чаю. Сэм начал вносить вещи на второй этаж. Тана присела и взяла предложенную ей разрисованную чашку с серебряной ложечкой, отказавшись от маленьких, пресных на вид пирожков. Она посмотрела в окно на озеро, думая о превратностях жизни. Ей казалось, что она попала в совершенно другой мир, такой непохожий на прежний, привычный. Вот она сидит – вдали от Нью-Йорка, ото всех, кого знала раньше, – пьет чай и разговаривает с голубоглазой женщиной, у которой на шее виднеется нитка жемчуга. А всего лишь три месяца назад Тана лежала на полу в спальне Артура Дарнинга, сын которого избивал и насиловал ее...

– ...как вы полагаете, милая?

Тана непонимающе уставилась на свою собеседницу: она не слышала начала фразы и сдержанно кивнула в ответ, почувствовав внезапно усталость. Слишком много всего для одного дня...

– Да, конечно... Я с вами согласна... – сказала она наугад.

Больше всего ей хотелось уйти в свою комнату. Завершив наконец ритуал чаепития, они поставили чашки на поднос, и Тана чуть было не засмеялась, подумав о том, сколько же чашек чая пришлось выпить бедной женщине в этот день. А та, будто угадав нетерпение Таны, повела ее в назначенную ей комнату. Они поднялись по витой лестнице, миновав два изящных пролета, и оказались в длинном коридоре, стены которого были оклеены тисненными обоями с цветочным узором и увешаны фотографиями выпускниц колледжа. Наставница открыла последнюю дверь в самом конце коридора. Стены комнаты были выкрашены в светло-розовый цвет, занавески и покрывала сшиты из набивного ситца. Тана окинула взглядом обстановку: две узкие кровати, два старинных шкафа и два кресла; в углу – маленькая раковина. Это была забавная комната в старом стиле, где потолки нависали над самыми кроватями. Наставница, ревниво следившая за выражением лица Таны, осталась удовлетворена, когда та повернулась к ней с довольной улыбкой:

– Здесь очень мило.

– В «Доме Жасмина» все комнаты такие. – Немного погодя она оставила Тану одну.

Та села и устала на свои сумки, не зная, что делать дальше. В конце концов она легла на кровать и стала смотреть на деревья за окном. Распаковывать вещи ей не хотелось, к тому же она не была уверена, можно ли занимать шкаф до прибытия соседки. Она уже собралась пойти прогуляться к озеру, когда послышался стук в дверь и на пороге появился старый негр. Тана поспешно села на свою кровать, и Сэм внес в комнату два чемодана. Он взглянул в сторону Таны с каким-то непонятным выражением лица и пожал плечами.

– Сдается мне, такого у нас еще не бывало.

Не поняв, о чем он говорит, Тана смутилась, а он снова пожал плечами и исчез за дверью. Тана посмотрела на принесенный им багаж, но не увидела в нем ничего примечательного: два больших чемодана с железнодорожными бирками, один синий, другой – в зеленую клетку, ящичек для косметики, круглая шляпная картонка, в точности похожая на картонку Таны, которую та заполнила разными мелочами. Она медленно прошла по комнате в ожидании владелицы всех этих вещей. Представив себе бесконечную чайную церемонию внизу, она приготовилась ждать долго и была удивлена тем, как быстро появилась ее соседка по комнате. Сначала вошла, постучавшись, наставница; она многозначительно посмотрела в глаза Таны и сделала шаг в сторону, пропуская вперед девушку-негритянку. Та, казалось, не вошла, а вплыла в комнату – столь грациозной была ее походка. Такого поразительного создания Тана еще не видала на своем веку: черные как смоль волосы, стянутые на затылке, блестящие, словно бриллианты, темные глаза, немыслимой белизны зубы на бледно-шоколадном лице, будто вырезанном резцом мастера с таким искусством, что оно казалось почти нереальным. Ее красота была столь вызывающей, а движения столь изящными, что у Таны захватило дух. Сняв ярко-красное пальто, новоприбывшая бросила его на одно из двух кресел; под пальто оказалось узкое, облегающее платье из светлой ангорской шерсти, одного цвета с дорогими туфлями. Она была больше похожа на картинку из журнала мод, чем на студентку колледжа, и Тана со стыдом вспомнила о своем гардеробе: юбки из шотландки, грубошерстные брюки, куча простых рубашек, несколько свитеров с V-образным вырезом и два платья, которые Джин купила у «Сакса» перед самым отъездом дочери.

– Познакомься, Тана, – послышался очень серьезный голос наставницы. – Это – Шарон Блейк, она тоже с Севера, правда, не из Нью-Йорка, а из Вашингтона, округ Колумбия.

– Хэлло! – Тана застенчиво взглянула на девушку, тогда как та улыбнулась ослепительной улыбкой и протянула ей руку.

– Здравствуй!

– Я оставляю вас одних. – Наставница взглянула на Шарон так, будто та причинила ей физическую боль.

Тане она безмерно сочувствовала: она никогда не привела бы к ней Шарон Блейк, но ведь кто-то должен делить комнату с негритянкой. А Тана будет учиться по стипендии, то есть бесплатно. Наставница считала, что поступила по справедливости: Тана Робертс должна быть благодарна за все, тогда как другие девушки могли и не согласиться. Наставница тихонько прикрыла дверь и решительно зашагала вниз по лестнице. Такое случилось впервые не только в «Доме Жасмина», но и во всем колледже «Грин-Хиллз», и Джулия Джонс чувствовала, что чаем сегодня не обойтись. Чтобы снять это ужасное напряжение, ей требовалось кое-что покрепче.

А наверху Шарон кинулась в одно из двух страшно неудобных кресел и с улыбкой посмотрела на отливающие золотом волосы Таны. Обе девушки составляли чрезвычайно интересную, контрастную пару: одна – светлокочая, другая – цветная. Они с любопытством оглядели одна другую. Тана улыбнулась, не зная, как расценить появление Шарон в этом колледже, известном антинегритянской направленностью, ей было бы много проще учиться где-нибудь на Севере. Однако она еще ничего не знала о Шарон, кроме того, что та была несомненно красива и одета в дорогие наряды – Тана отметила это снова, когда Шарон сбросила серые модельные туфли.

– Ну и как? – нежное светло-коричневое лицо вновь осветилось улыбкой. – Тебе нравится «Дом Жасмина»?

– Он прелесть, правда? – Тана все еще стеснялась ее. Однако было в этой красивой девушке что-то притягивающее к себе, что-то первобытное и смелое; какая-то отвага проступала в ее тонко очерченном лице.

– Ты знаешь, нам дали самую плохую комнату.

– Откуда тебе это известно? – удивилась Тана.

– Я смотрела, когда шла по коридору. – Шарон вздохнула и осторожно сняла с себя шляпку. – Меня это не удивляет. – Она пылливо посмотрела на свою соседку и ласково улыбнулась. – А за какие грехи поселили тебя вместе со мной?

Шарон знала, почему оказалась здесь она сама: единственная принятая в «Грин-Хиллз» негритянская девушка вряд ли могла рассчитывать на теплый прием. Это был беспрецедентный случай. Ее отец – известный прозаик, награжденный Национальной премией за лучшую книгу года, лауреат Пулитцеровской премии²; ее мать занимает должность прокурора в государственных органах юстиции. Естественно, Шарон не чета другим негритянским девушкам – по крайней мере ее родители рассчитывали на это и ждали от нее неординарных поступков, хотя заранее сказать было ничего нельзя. Прежде чем послать дочь в «Грин-Хиллз», Мириам предоставила ей право выбора: она может поступить в один из колледжей на Севере – скажем, в Колумбийский университет в Нью-Йорке, так как результаты выпускных экзаменов у нее довольно высокие. Если же ее намерения посвятить себя призванию актрисы серьезны, то ей надо идти в Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе. Это был один путь.

– В качестве альтернативы, – сказала ей мать, – ты могла сделать то, что со временем станет важным для других наших девушек. – Дочь смотрела на нее, не понимая. – Ты можешь поступить в «Грин-Хиллз», – пояснила Мириам.

– Поехать на Юг?! – Шарон не могла прийти в себя от изумления. – Меня туда просто не возьмут!

– Ты, я вижу, не все понимаешь до конца, малышка. – Мать сверлила ее упорным взглядом. – Твой отец – Фримен Блейк, его книги читают во всем мире. Ты действительно думаешь, что в наше время тебя посмеют не принять туда?

Шарон нервно усмехнулась.

---

² Пулитцеровская премия, учрежденная американским издателем Джозефом Пулитцером (1847—1911), ежегодно присуждается литераторам и журналистам за лучшее художественное либо научно-популярное произведение.

– Еще как посмеют, мам! Черт побери, от меня полетят пух и перья, прежде чем я успею распаковать свои чемоданы. – Шарон пугала одна мысль об этом. Она знала, что произошло в городе Литл-Рок три года тому назад; об этом писали газеты. Чтобы оставить черных студентов в колледже для белых, пришлось пустить в ход танки и Национальную гвардию. А «Грин-Хиллз» – не какая-нибудь маленькая второразрядная школа, это – самый фешенебельный младший женский колледж на Юге, куда посылают своих дочек конгрессмены и сенаторы, губернаторы Техаса, Южной Каролины и Джорджии, чтобы они подросли там в тепличных условиях до статуса невест, прежде чем найдут себе достойную партию. – Это безумие, мам!

– Если все темнокожие девушки в этой стране будут думать так же, как ты, Шарон Блейк, то мы и через сто лет будем ночевать в гостинице для черных, сидеть в автобусе на задних местах и пить воду из фонтанов, куда мочатся белые парни.

Шарон содрогнулась под пылающим взором матери. Мириам Блейк была всегда неистовой. Она училась по стипендии в колледже «Рэдклифф», окончила юридическую школу при Калифорнийском университете в Беркли и с тех самых пор боролась за свои идеалы, за права обездоленных простых людей. Она борется и сейчас – за свой народ; перед ней преклоняется даже собственный муж. Сила воли у нее такая, что дай бог самому нестигаемому из мужчин. Она ни перед чем не остановится, но Шарон это страшит, и очень сильно. Она подала документы в «Грин-Хиллз» и задним числом испугалась.

«А что, если меня примут?» – со страхом подумала она и поделилась своими тревогами с отцом.

– Я ведь не похожа на нее, пап. Я вовсе не хочу что-то кому-то доказывать и для этого поступать в расистский колледж. Я хочу иметь друзей, весело проводить время. Она требует от меня слишком трудного выбора. – На глаза у нее навернулись слезы, и отец ее понял. Однако ему было не под силу изменить ни ту, ни другую: ни жену, с ее суровыми принципами, ни их беспечную и жизнерадостную красавицу дочь, гораздо меньше похожую на Мириам, чем на отца. Она мечтала быть актрисой и играть со временем на бродвейской сцене. А раз так, самое лучшее для нее было бы поступить в филиал Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе.

– Ты можешь поступить туда через два года, – сказала ей мать, – после того, как исполнишь свой долг.

– Я никому ничего не должна! – вскричала Шарон. – Почему я обязана отдавать кому-то два года своей жизни?

– Потому что ты живешь здесь, в доме отца, в фешенебельном пригороде Вашингтона, спишь в теплой, мягкой постели. Благодаря нам ты никогда не знала жизненных тягот.

– Тогда бейте меня! Обращайтесь со мной, как с рабыней, только дайте делать то, что я хочу.

– Прекрасно! – Глаза матери вновь зажглись черным огнем. – Делай что хочешь. Но помни: ты никогда не сможешь ходить с высоко поднятой головой, если будешь думать только о себе. Ты знаешь, как вели себя черные студенты в городе Литл-Рок? На их головы были направлены дула автоматов, для их шей ку-клукс-клан приготовил веревки, но они шли в колледж, шли туда каждый день. А ты знаешь, ради кого они это делали? Они делали это ради тебя. А для кого собираешься жить ты, Шарон Блейк?

– Для самой себя! – Она взбежала к себе наверх и с силой захлопнула дверь. Но материнские слова не шли у нее из головы – так всегда получалось с ее доводами. Мириам была не самым легким человеком, чтобы жить с ней, узнавать ее и любить. Она никогда не стремилась сделать жизнь приятной для своих близких, однако по большому счету она делала то, что должно делать для каждого члена семьи.

В тот вечер Фримен Блейк попытался переговорить с женой. Он понимал чувства Шарон, знал, как страстно она мечтает о Калифорнийском университете. Почему бы не позволить ей, хотя бы для разнообразия, поступить по своей воле?

– Потому что на ней лежит ответственность. Как и на нас с тобой.

– Но взгляни на дело с другой стороны. Она молода. Дай ей шанс доказать, на что она способна. Может, она не хочет сжигать себя ради идеи? Может, ты одна делаешь достаточно – за всех нас? – Однако они оба знали, что это лишь часть правды. Дику, брату Шарон, было еще только пятнадцать лет, но он был как Мириам. Весь, до мозга костей. Он разделял ее идеи, даже в еще более непримиримой, более радикальной форме. Никто не мог выбить его из седла. Фримен гордился сыном и в то же время признавал, что Шарон была другой. – Давай оставим ее в покое, и пусть она решает сама.

Они так и поступили. В конце концов в девушке возобладало чувство раскаяния. «Вот почему я здесь», – так закончила она свой рассказ Тана в тот, первый, вечер. Они сходили на обед в главную столовую и вернулись в свою комнату. Шарон надела розовый нейлоновый халат, который подарила ей по случаю отъезда ее лучшая подруга в Вашингтоне; Тана была в голубом байковом халатике, ее белокурые волосы были завязаны в «конский хвост». Она вопросительно взглянула в лицо своей новой подруги. Та вздохнула и придирчиво оглядела розовый лак, положенный на ногти больших пальцев ног.

– Я думаю поступить в Калифорнийский университет после того, как окончу двухгодичный курс здесь, – ответила она на незаданный вопрос, вновь подняв глаза на Тану. – Мать требует от меня слишком многого. – Сама Шарон хотела лишь одного: быть красивой и элегантной, постараться сделаться известной актрисой. Этого было достаточно для нее, но не для Мириам.

Выслушав ее, Тана улыбнулась.

– Моя мать тоже возлагает на меня большие надежды. Всю свою жизнь она посвятила тому, что считает единственно правильным для дочери. Она хочет, чтобы я проучилась здесь год-другой и вышла замуж за «приличного молодого человека». – Тана сделала презрительную гримасу, показывая, как мало ее привлекает эта перспектива. Шарон засмеялась.

– В глубине души все матери мечтают о том же самом, даже моя – при условии, что я дам зарок участвовать в ее борьбе и после замужества. А что говорит твой отец? Мой, благодарение богу, выручает меня, когда может. Он считает, что вся эта возня не стоит выеденного яйца.

– Мой отец умер еще до того, как я появилась на свет. Наверное, поэтому моя мать и переживает так сильно по малейшему поводу. Она смертельно боится, что все вдруг пойдет не так, как надо, и зубами держится за то, что называют обеспеченным положением. И от меня хочет, чтобы я поступала так же. – Она посмотрела на Шарон каким-то странным взглядом. – Знаешь, по-моему, твоя мама подходит мне больше. – Обе рассмеялись и долго еще после этого не выключали свет.

К концу первой недели девушки уже были близкими подругами. Они сидели рядом в аудитории, вместе шли на ленч, в библиотеку; гуляя подолгу вокруг озера, они говорили о жизни, о мальчиках, о родителях и друзьях. Тана рассказала Шарон о связи матери с Артуром Дарнингом, начавшейся еще тогда, когда он был женат на Мери, а также о том, как это действовало на нее, Тану. Лицемерие, узость взглядов, стереотипная жизнь в Гринвиче, ложь во взаимоотношениях с детьми, друзьями и служащими, постоянное пьянство, дом Дарнинга, где все устроено напоказ, тогда как ее мать работает на него как белый негр вот уже двенадцать лет и ничего от этого не имеет.

– Знаешь, Шар, я не могу это видеть. – Она не отводила от подруги глаз, которые блестяли, как два зеленых изумруда. – И самое худшее заключается в том, что она с радостью принимает от него все эти дерьмовые подарки. Она считает, что с ней все в порядке. Она

нигде с ним не бывает и, представь себе, всем довольна. Весь остаток жизни она готова просидеть в одиночестве, благодарная ему за то немногое, что он для нее сделал, и не догадываясь, что он не сделал для нее ровным счетом ничего. Она утверждает, что обязана ему всем. Чем это «всем»? Она работает как проклятая всю свою жизнь, а он смотрит на нее как на предмет обстановки. – «Платная подстилка» – мерзкие слова Билли все еще стояли в ее ушах, сколько она ни старалась забыть их. – Наверное, она просто иначе смотрит на вещи, но я... не знаю... меня это сводит с ума. Я не хочу находиться рядом с ними до конца своих дней и распинаться перед Артуром в благодарностях. Я многим обязана моей маме, но абсолютно ничем не обязана Артуру Дарнингу; она тоже ничем ему не обязана, но не понимает этого. Она так боится всего... Иногда я думаю, была ли она такой, когда был жив мой отец. – Джин часто рассказывала дочери, что раньше она во многом была похожа на Эндрю, и лицо ее при этом светлело.

– Я больше люблю отца, чем маму, – Шарон всегда была искренней в выражении своих чувств, особенно с Таной.

К концу первого месяца они поделились многими своими секретами, однако Тана не упоминала об изнасиловании. Сделать это было очень непросто, и Тана решила промолчать.

За несколько дней до праздника Всех Святых – Хэллоуина – Шарон забеспокоилась о карнавальном костюме. Были назначены совместные танцы с соседним, мужским, коллеждем.

– Ума не приложу, что мне делать? – Шарон лежала на кровати, возбужденно вращая белками глаз. – Может, нарядиться черной кошкой? Или накинуть белую простыню с прорезями для глаз, как у куклуксклановца?

Танцы организовывались в «Грин-Хиллз», и девушки могли пойти туда одни. Это было очень кстати, так как ни Шарон, ни Тана не завели пока ни знакомых парней, ни подруг. Студентки держались от Шарон на расстоянии, соблюдая показную вежливость – и только. Преподаватели были холодно-любезны и старательно делали вид, что не замечают присутствия чернокожей девушки. Ее единственной подругой была Тана, они никогда не разлучались – в результате Тана тоже оказалась в изоляции. Все сторонились ее. Если ты хочешь якшаться с неграми – приготовься к обструкции. Шарон не раз ссорилась с ней по этому поводу.

– Какого дьявола ты привязалась ко мне? Иди к своим белым! – Она старалась быть нарочито резкой, но Тана всякий раз разгадывала эту ее хитрость.

– Перестань кипятиться.

– Ты – набитая дура!

– Верно! Такая же, как и ты. Поэтому мы и сошлись, как два сапога.

– Нет, – усмехалась Шарон, – мы с тобой сошлись потому, что ты совсем не одета, и если бы не мои платья и не мои квалифицированные советы, ты была бы похожа на пугало.

– Да, – весело смеялась Тана, – ты права. Тебе остается научить меня плясать под свою дудку.

Девушки корчились на своих кроватях от смеха, который почти не затихал в их комнате. Шарон была энергичная и живая, что называется, «с огоньком», она возрождала Тану к жизни. Порой они засиживались допоздна, шутили и смеялись до коликов в животе. Шарон имела хороший вкус и красивые наряды, каких Тана еще не видела в своей жизни. Они были примерно одного роста и сложения и спустя недолгое время начали запихивать вещи в один и тот же шкаф и надевать то, что попадет под руку, не разделяя на «твое» и «мое».

– Ну так как же, Тэн? Что ты наденешь на Хэллоуин?

Шарон в этот раз клала на ногти яркий оранжевый лак, смотревшийся очень эффектно в контрасте с ее смуглой кожей. Ожидая, когда лак высохнет, она подняла глаза на подругу, но та равнодушно смотрела в сторону.

– Не знаю... надо подумать...

– Что значит «подумать»? – Шарон сразу же уловила нечто новое в голосе Таны. Раньше она такого не замечала, за исключением одного или двух случаев, когда Шарон показалось, что она нечаянно задела некую чувствительную струну. Впрочем, полной уверенности у нее не было. – Ты идешь на танцы или нет?

– Нет, не иду.

– Боже правый! Но почему? – Шарон стала в тупик: Тана была не прочь посмеяться, обладала развитым чувством юмора; она была хороша собой, умна, любила веселье. – Ты что, не одобряешь этот праздник?

– Ну почему же? Хэллоуин по-своему хорош... для детей. – Тана еще никогда не была столь индифферентной, и это озадачило Шарон.

– Не будь такой букой, Тэн. Давай я помогу тебе с костюмом.

Она начала рыться в их совместном шкафу, вытаскивая то одно, то другое и кидая все на кровать. Тана, однако, не проявляла никакого энтузиазма. Когда они легли и выключили свет, Шарон вновь приступила к ней с расспросами:

– Как можно не желать пойти на карнавал по случаю Хэллоуина?

Шарон знала, что у Таны еще нет здесь парня. Что касается Шарон, поступить сюда значило для нее обречь себя на одиночество, но она сама выбрала свой путь. Другие девушки тоже вряд ли знали здесь кого-то, счастливые исключения составляли лишь немногие из них. Однако и те, и другие рассчитывали увидеть на танцах целую толпу молодых людей, и даже Шарон вдруг воспылала желанием показаться на люди.

– У тебя, наверное, дома есть постоянный друг? – спросила она, помолчав. Тана никогда не заикалась об этом. «К чему такая скрытность?» – подумала Шарон. Впрочем, существовали некоторые темы, которых они еще не касались. Так, обе избегали разговоров о расставании с девственностью. Шарон знала, что это было неприлично для «Грин-Хиллз»: здесь, похоже, такие вещи обсуждались взахлеб. Но Шарон безошибочно чувствовала сдержанность Таны, да и сама не горела желанием говорить на эту тему. Однако сейчас она повела себя иначе: облокотившись на подушку, она положила голову на ладони и пытливо взгляделась в лицо подруги, белевшее в темной комнате. – Да или нет, Тэн?

– Ты ошибаешься... Просто у меня нет настроения.

– Но должна же быть тому причина! У тебя что – аллергия на мужчин? Слабость в коленках? Пойдем потанцуем, а после двенадцати я наряжу тебя вампиром, хотя, – на лице ее появилась озорная улыбка, – для карнавала на Хэллоуин можно придумать что-нибудь и позамысловатее.

– Не валяй дурака, Шар, – засмеялась Тана. – Просто я не хочу ходить на вечеринки. А ты иди, и пусть тебя это не смущает. Влюбись в какого-нибудь белого парня и преподнеси сюрприз своим родителям. – Обе девушки расхохотались при этой мысли.

– Боже правый! Да за это меня вышвырнут из колледжа. Если бы миссис Джонс могла выбирать, она выдала бы меня за старину Сэма. – Домовая наставница иногда снисходительно поглядывала на Шарон, а затем переводила глаза на Сэма, как если бы между этими двумя существовало некое родство.

– А она догадывается, кто твой отец?

Фримен Блейк только что получил вторую премию Пулитцера. Все в Америке знали это имя, независимо от того, читали они его книги или нет.

– Я не думаю, чтобы она умела читать.

– Ты должна подарить ей одну из книг отца с его автографом, – усмехнулась Тана.

– Она сойдет с ума от злости, – проворчала Шарон.

Однако все это не разрешало проблему танцев. Дело кончилось тем, что Шарон оделась страшно завлекательной черной кошкой. Она натянула до самого подбородка черное трико, из которого выглядывало светло-шоколадное лицо с огромными черными глазами; а немис-

лимо длинные ноги, казалось, росли от ушей. Ее появление в зале вызвало кратковременный шок, потом кто-то пригласил ее на танец, после чего Шарон весь вечер не сходила с круга. Хотя девушки ее бойкотировали, она прекрасно провела время. Когда она вернулась, Тана крепко спала – был уже второй час ночи.

– Тэн? Ты спишь? Тэн?

Подруга подняла голову, открыла один глаз и пробурчала:

– Ты хорошо повеселилась?

– Чудесно! Я танцевала весь вечер, без отдыха. – Она умирала от нетерпения рассказать ей про все, но Тана повернулась к стене лицом.

– Я рада... спокночи.

Шарон смотрела на спину подруги, гадая, почему она не захотела пойти на карнавал. Но разговор был окончен, и, когда на следующий день Шарон сделала попытку возобновить его, Тана не проявила к нему ни малейшего интереса. Другие девушки после вечера танцев начали ходить на свидания, телефон внизу не умолкал, казалось, ни на минуту. Шарон позвонил только один молодой человек. Он пригласил ее в кино, и она приняла приглашение, но когда они пришли в кинотеатр, контролер их не пропустил.

– Это вам не Чикаго, друзья. Это – Юг. – Он посмотрел на мучительно покрасневшего юношу. – Отправляйся-ка ты домой, сынок, и найди себе приличную девушку.

Шарон попыталась успокоить парня:

– Не волнуйся, Том! Правду говоря, мне не так уж и хотелось посмотреть этот фильм.

Он отвез ее обратно в общежитие. Всю дорогу они молчали, и только у самого «Дома Жасмина» она повернулась к нему со словами:

– Все нормально, Том, честно тебе говорю. Я все понимаю и уже привыкла. – Голос у нее был низкий и страстный, а глаза – добрые. Она глубоко вздохнула и слегка прикоснулась рукой к его руке – кожа у нее была как шелк. – Для этого я и поступила в «Грин-Хиллз».

Он оторопело взглянул на нее, не зная, как расценить эти странные слова. Шарон была первой темнокожей девушкой, которой он назначил свидание; она казалась ему самым экзотическим созданием на свете – он таких еще не встречал.

– Ты приехала в этот занюханный городишко для того, чтобы тебя оскорблял какой-то говнюк?! – Он еще не остыл от гнева, если не за себя, то за нее.

– Нет, – мягко возразила она, думая о том, что говорила ей мать. – Я приехала сюда затем, чтобы изменить положение вещей, во всяком случае, в этом я вижу свой долг. Начинается все вот так, как вышло у нас с тобой сегодня, и долгое время так продолжается, но в конце концов люди перестают обращать на это внимание. Темнокожие девушки ходят в кино с белыми парнями, разъезжают с ними в автомобилях, гуляют по улицам, заходят в закусочные – там, где им захочется. Вот это есть в Нью-Йорке, почему так не может быть здесь? Кто-то может коситься, но в любом случае они не могут выкинуть нас вон. И единственный путь к этому – начать с малого, вот как сегодня.

Парень посмотрел на нее, как если бы сомневался, не подставили ли его в этой игре. Но нет, было не похоже, чтобы Шарон Блейк была способна на такое. Том уже слышал про ее отца, и это произвело на него неизгладимое впечатление. То, что она сказала, заставило его восхищаться ею еще сильнее. Он был немного смущен, но знал, что в словах Шарон заключается правда.

– Мне жаль, что нам не удалось войти туда. Может, попытаемся снова на будущей неделе?

Она рассмеялась.

– Я вовсе не имела в виду, что мы должны все изменить в одночасье. – Тем не менее ей понравился его пыл. Он правильно воспринял ее мысль, и, возможно, Мириам Блейк не так уж не права. Может быть, надо служить какой-то идее, в конце-то концов.

– А почему бы и нет? Рано или поздно этому наглецу надоест выгонять нас. Черт с ним, мы можем пойти в кафе или в ресторан...

Возможности были безграничны, и Шарон весело смеялась. Он помог ей выйти из машины и ввел в гостиную «Дома Жасмина». Она предложила ему чашку чая, и они посидели там некоторое время. Однако взгляды, которые бросала в их сторону находящаяся там молодежь, были столь неприкрыто враждебными, что Шарон не выдержала. Она встала и медленно прошла с ним к выходу. Лицо ее было печально. «Несомненно, все было бы проще в Калифорнийском университете, в любом городе Севера страны. А здесь...» Том чутко уловил ее настроение и, уже стоя в дверях, шепнул:

– Помни – не может все измениться за один вечер. – Он прикоснулся губами к ее щеке и вышел.

Глядя, как он уезжает, она думала: «Он, конечно же, прав: нам не удалось ничего изменить за один вечер».

Поднимаясь вверх по лестнице, она подумала о том, что это время потрачено не напрасно. Том ей нравился: он умел принимать поражения так, как надо. Интересно, позвонит ли он ей еще?

Тана улыбнулась ей со своей кровати.

– Ну и как? Он тебя пригласил?

– Да.

– Чудесно! А что фильм? Понравился?

– Спроси у кого-нибудь другого, – невесело улыбнулась Шарон.

– Вы туда не пошли? – удивилась Тана.

– Нас туда не пустили. Знаешь, как это бывает: белый юноша, цветная девушка... «Подыщи себе подходящую пару, сынок», – Шарон тщила рассмеяться, но Тана, увидевшая боль в ее глазах, нахмурилась.

– Негодяй! А что сказал Том?

– Он держался очень мило. Мы немного посидели в гостиной, но это было еще хуже. Представляешь: семь «белоснежек» сидят на диванах со своими «прекрасными принцами» и сверлят нас глазами. – Она со вздохом кинулась в кресло. – А ну их к дьяволу, все эти умные идеи. Подходя к кинотеатру, я чувствовала себя такой смелой и благородной, такой возвышенной, а когда нас завернули, я подумала, что все это не стоит ломаного гроша. Мы с ним не можем пойти даже в закусочную, чтобы поесть гамбургеров. Выходит, я могу умереть с голоду в этом паршивом городишке.

– Могу поручиться, что нас обслужат, если ты пойдешь вместе со мной. – Они еще не пробовали пойти куда-нибудь на ленч: кормили их в колледже на убой, обе уже прибавили в весе по три-четыре фунта, к вящей досаде Шарон.

– На твоём месте я бы не стала ручаться в этом, Тэн. Держу пари, что они поднимут хай, увидев с тобой негритянку. Белая есть белая, а черная остается черной, как бы ты к этому ни относилась.

– Но почему бы нам не попытаться? – Тана загорелась своей идеей, и на следующий вечер они решили привести ее в исполнение.

Девушки прогулялись по городу и зашли в закусочную, чтобы заказать по гамбургеру. Официантка окинула их долгим, неприязненным взглядом и отошла, не приняв заказа. Пораженная этим, Тана поманила ее снова, но женщина сделала вид, что не замечает ее знаков. Тогда Тана поднялась с места, подошла к ней сама и спросила, можно ли им здесь пообедать. Официантка досадливо поморщилась.

– Мне очень жаль, милая, – сказала она вполголоса – так, чтобы не услышала Шарон, – но я не могу обслужить твою подругу. Надеюсь, ты меня понимаешь?

– Но почему? Она – жительница Вашингтона, – сказала Тана, как будто это имело какое-то значение. – Ее мать – прокурор на государственной службе, а отец – двукратный лауреат Пулитцеровской премии.

– Нам это без разницы. Здесь не Вашингтон, а Йолан, Южная Каролина.

– Есть у вас в городе такие заведения, где мы с ней можем пообедать?

Женщина взглянула на высокую зеленоглазую блондинку, в чьем голосе прозвучала смутившая ее настойчивость.

– Она может пройти дальше по улице... А ты можешь остаться здесь.

– Но мы хотим пообедать вместе! – В глазах Таны сверкала зеленая сталь; впервые в жизни она почувствовала, как по спине у нее прошла нервная судорога. Сейчас она могла ударить человека, охваченная иррациональным и бессильным бешенством, какого она еще ни разу не испытывала. – Имеется ли в вашем городе такое место, где мы с подружкой могли бы поесть вместе? Или нам придется садиться в поезд и ехать обедать в Нью-Йорк? – Тана вперила в официантку негодующий взгляд, и та отрицательно покачала головой. Однако Тана отступить не собиралась. – Тогда обслужите меня – я возьму два чизбургера и две кока-колы.

– Нет, не возьмешь! – Позади них встал коренастый повар, вышедший из кухни. – Ты сейчас отправишься назад в свою треклятую шикарную школу, откуда вы обе сюда заявились. – Подруги были слишком заметными в Йолане: достаточно было взглянуть на броские наряды Шарон, чтобы вычислить ее принадлежность к привилегированному колледжу. На ней была юбка и свитер, купленные в нью-йоркском магазине «Бонвит Теллер». – Вы можете есть там все что угодно за милую душу. Понятия не имею, что там на них нашло, но если уж они пускают к себе негритосов – то пусть и кормят их у себя в «Грин-Хиллз», а здесь на них не приготовили!

Он выразительно посмотрел на Тану, потом перевел взгляд на столик, за которым сидела Шарон. В его взгляде чувствовалась слепая ярость, и Тана на миг показалось, что повар может вышвырнуть их отсюда силой. После изнасилования она еще ни разу не испытывала такого страха.

Поняв, в чем дело, Шарон грациозно поднялась с места и сказала в своей спокойной аристократической манере:

– Идем, Тэн.

В ее голосе прозвучали низкие, чувственные нотки; при виде того, как повар буквально впился в нее плотоядными глазами, Тана захотелось дать ему пощечину: этот взгляд напомнил ей то, о чем она безуспешно пыталась забыть.

– Сукин сын! – кипятилась Тана, когда они медленно возвращались в колледж.

Однако Шарон выглядела на удивление спокойной. Она испытывала те же чувства, что и накануне, когда их с Томом не пустили в кинотеатр. Поначалу – спокойное сознание силы, понимание, зачем она здесь, а потом – чувство уныния. Однако сегодня депрессия еще не успела ею овладеть.

– Как странно устроена жизнь! Если бы это произошло в Нью-Йорке или в Лос-Анджелесе, практически в любом другом городе, никто бы и внимания не обратил. Но здесь, в Йолане, страшно важно, что я темнокожая, а ты белая. Моя мать, похоже, знает, что делает: видно, для нас пришло время бороться за свои права. Я всегда считала, что, если мне хорошо, я не обязана думать о других, о том, что с ними происходит. И вот теперь оказалось, что эти другие – я сама. – Шарон внезапно поняла, почему Мириам так настаивала на ее поступлении в «Грин-Хиллз». Впервые со дня приезда сюда девушка подумала, что ее мать, вероятно, права. Может быть, место Шарон здесь. Может, она в долгу перед кем-то, кому не было так хорошо все эти годы. – Я не знаю, что тебе сказать, Тэн...

– Я тоже... – Они медленно шли по улице, рука об руку. – Не думаю, чтобы я когда-нибудь чувствовала себя такой беспомощной и такой злой... – Вдруг перед ней всплыло лицо Билли Дарнинга, и она вся поникла. – Разве лишь однажды...

Обе девушки вдруг ощутили связующую их близость, какой не было раньше. Тане захотелось обнять Шарон, защитить ее от беды, а та взглянула на нее с теплой улыбкой.

– Когда это было, Тэн?

– О, очень давно!.. – Она силилась улыбнуться. – Месяцев пять тому назад.

– Это действительно очень давно. – Девушки обменялись улыбками и продолжили идти по тротуару.

По улице промчалась машина, но их никто не побеспокоил, и страх Таны прошел. Никто и никогда не сделает с ней то, что сделал Билли Дарнинг, – она скорее убьет насильника. В ее глазах Шарон отметила необычно жестокий блеск.

– Наверное, это было что-то ужасное?

– Да.

– Ты не хочешь говорить об этом? – Голос Шарон был ласковым и чутким.

Они шагали сквозь серую полутьму в полном молчании. Тана, казалось, раздумывала: у нее никогда не возникало желания рассказать об этом кошмаре кому бы то ни было – после того, как она попыталась довериться матери.

Шарон, по-видимому, ее поняла: у каждого человека есть на душе что-то такое, чем он не хочет делиться. Она и сама хранила в себе тайну.

– О'кей, Тэн...

Но едва она успела это произнести, как Тана стремительно к ней обернулась, и слова неудержимо полились сами собой, будто прорвалась некая плотина.

– Я хочу рассказать... только не знаю, как можно это сделать. – Она убыстрила шаги, будто желая убежать от самой себя, а Шарон легко поспевала за ней на своих длинных, стройных ногах. Тана нервно провела рукой по волосам, сама не заметив этого, посмотрела куда-то в сторону. Дыхание ее участилось. – Рассказ получится короткий... В июне у нас был выпускной вечер, а через неделю я пошла на вечеринку в дом патрона моей матери... у патрона есть сын, законченный негодяй... Я ей сказала, что не хочу идти... – Воздух вырывался из груди Таны короткими, быстрыми толчками, но она этого не замечала и шла все быстрее. Шарон понимала: Тана рассказывает о чем-то таком, что держать в себе ей больше не вмоготу. Тана должна выплеснуть это из себя. – Моя мать сказала: «Ни в коем случае!» То есть я не должна отказываться от приглашения ни под каким видом. Она всегда так говорит, когда дело так или иначе касается этой семейки – Артура Дарнинга и его детушек... она становится как слепая... – Захлебнувшись словами, Тана все ускоряла и ускоряла шаг, будто спасаясь от преследовавших ее воспоминаний. Шарон, глядя на страдающее лицо подруги, шла с ней в ногу. Наконец Тана справилась с собой и продолжала: – Как бы то ни было, я поехала. Со мной был знакомый парень; этот кретин посадил меня в свою машину и привез в Гринвич на эту самую вечеринку... все уже были пьяные, мой кавалер тоже напился в стельку и куда-то пропал... от нечего делать я пошла по дому... и Билли, сын Артура, предложил мне показать кабинет, где работает моя мать... Я знала, где эта комната... – Слезы ручьями бежали по ее щекам, она их не чувствовала на ветру. Шарон хранила молчание. – Он привел меня совсем не туда, а в спальню своего отца... там все было серое... серый плюш, серый атлас и серый мех... даже ковер на полу был серый... – Это были единственные запомнившиеся ей детали: бесконечный серый фон... ее кровь на полу... перекошенное лицо Билли, потом – авария... Тане не хватало воздуха, она рванула ворот рубашки и снова побежала, задыхаясь от рыданий. Шарон не отставала от нее ни на шаг. Тана теперь была не одна: рядом подруга, бегущая вместе с ней сквозь этот страшный кошмар; она нашла в себе силы продолжать: – Билли начал избивать меня, сбил с ног... и все, что я ни делала... – Вновь ощутив ту беспо-

мощность, то отчаяние, она остановилась и закрыла лицо руками. Ночную темноту огласил ее душераздирающий всхлип. – Я ничего не могла сделать... я не могла остановить его... – Ее тело сотрясалось от рыданий. Шарон молча обняла Тану и крепко прижала к себе. – Он изнасиловал меня и бросил там... я была вся в крови... меня вырвало... потом он догнал меня на шоссе, заставил сесть в машину, потом чуть не врезался в грузовик, – теперь она говорила быстро, будучи не в силах остановиться. – Мы налетели на дерево, и он поранил себе лоб – все лицо было залито кровью; нас отвезли в больницу, потом туда приехала моя мать... – Внезапно Тана снова умолкла, ее лицо потухло при воспоминании, от которого она старалась убежать все эти пять месяцев. Она взглянула Шарон прямо в глаза. – Когда я попыталась рассказать ей обо всем, она не захотела мне поверить. «Билли Дарнинг не способен на такое!» – Тана зарыдала еще более безутешно.

Шарон стояла не разжимая рук и все так же молча. Наконец сказала:

– Я верю тебе, Тэн.

Тана кивнула. Вид у нее был несчастный, как у потерявшегося ребенка.

– Никогда в жизни я не позволю прикоснуться к себе ни одному мужчине. – Шарон очень хорошо понимала подругу, хотя и по другой причине. Ее никто не насиловал – она отдалась сама, по любви. – Моя мать не поверила ни единому моему слову. И не поверит никогда. Она боготворит семью Дарнингов.

– Не думай больше об этом, Тэн. Думай о самой себе – это единственное, что имеет теперь значение. – Шарон подвела ее к скверу и усадила на пенек, села сама и предложила ей сигарету. Тана сделала одну-единственную затяжку. – Знаешь, я считаю, что с тобой – полный порядок, даже лучше, чем ты думаешь. – Глубоко тронутая доверием подруги, Шарон мягко улыбнулась Тане и вытерла слезы с ее щек.

Губы Таны тронула слабая ответная улыбка.

– Ты не считаешь, что я должна презирать себя после этого?

– Какие глупости ты спрашиваешь, Тэн! На тебе это никак не отразилось.

– Не знаю... иногда мне кажется, что... что я могла бы помешать ему, если бы... не растерялась. – Ей хотелось освободиться от сомнения, высказать до конца все, что мучило ее столько дней.

– Скажи мне честно, Тэн: ты действительно веришь в это? Ты в самом деле думаешь, что его можно было остановить?

Тана надолго задумалась, потом отрицательно мотнула головой.

– Тогда перестань терзать себя. То, что с тобой случилось, ужасно, ужаснее не придумаешь. Может быть, это самое страшное из всего, что тебе написано на роду. Но это произошло. Никто и никогда не сможет сделать это над тобой снова. Ты считаешь, что он осквернил тебя? Но это не так! Что бы там ни было, он не смог взять тебя, настоящую тебя, Тэн. Забудь обо всем и продолжай жить.

– Это легче сказать, чем сделать. – Тана устало улыбнулась. – Такое не забывается.

– Надо себя заставить, Тэн. Нельзя допустить, чтобы это разрушило твою жизнь. Такой мерзавец, как он, не может одержать над тобой победу: он силен только в мерзости, во всем остальном это слабая душонка, Тэн. А ты – сильная. Не поддавайся депрессии – так ты только помогаешь ему. Как бы ни было тебе тяжело, выбрось все из головы и иди вперед.

– О, Шарон!.. – Тана со вздохом поднялась на ноги и взглянула на подругу. Вокруг был чудесный теплый вечер. – Что делает тебя такой привлекательной в глазах парней?

Шарон загадочно улыбнулась, но Тана видела, что глаза ее сегодня остаются серьезными, почти грустными.

– У меня тоже есть секреты.

– Например? – Тана теперь чувствовала себя гораздо спокойнее, чем раньше. Ей казалось, что Шарон открыла спрятанную у нее внутри клетку и выпустила из нее безжалостного

зверя, который терзал ее не переставая. Теперь Тана была свободна, в душе ее снова воцарился мир. Ее мать оказалась неспособной сделать то, что сделала для нее молодая девушка, и Тана знала: что бы теперь ни случилось, они с Шарон всегда останутся друзьями. – Что с тобой произошло? – Тана отыскивала взглядом глаза подруги, уже зная, что там таится нечто сокровенное.

Ответный взгляд Шарон подтвердил это. Она не захотела увилить от ответа. Шарон никому не говорила о своих чувствах, но думала об этом постоянно. Они с отцом имели важный разговор перед ее отъездом в «Грин-Хиллз». Он сказал ей те же слова, которыми она только что подбадривала подругу: нельзя допустить, чтобы твоя жизнь оказалась разрушенной. Что случилось, то случилось – этого уже не исправишь. Нужно оставить это позади и идти вперед. Шарон, однако, не была уверена в себе.

– В этом году я родила ребенка.

У Таны на миг перехватило дыхание – она была в шоке.

– Правда?

– Да. Дома я встречалась с одним и тем же мальчиком с пятнадцати лет. Когда мне исполнилось шестнадцать, он подарил мне свое фамильное кольцо. Не могу тебе описать, Тэн, что я чувствовала... Он сложен, как африканский бог, и чертовски красив, а танцует... это надо видеть.

Лицо Шарон похорошело еще больше, когда она подумала о нем, – теперь это была прелестная юная девушка.

– Сейчас он учится в Гарвардском университете, я не встречалась с ним уже почти год. – Ее глаза погрузнели. – Я забеременела до окончания школы и сказала ему об этом, а он, похоже, запаниковал. Он стал просить, чтобы я сделала аборт у доктора, знакомого его кузины, но я отказалась. Я знала о несчастных случаях с молодыми девчонками... – При воспоминании об этом на ее глазах выступили слезы; она, казалось, напрочь забыла о том, что Тана стоит рядом и смотрит на нее. – Я хотела сказать об этом своей матери, но не решилась и рассказала отцу, а он сказал ей. Ты не представляешь, что началось... все будто пошло с ума. Мои родители позвонили к нему домой, его предки подняли крик; моя мама обозвала его «негритосом», а его отец обругал меня «сукой»... Это был самый страшный вечер в моей жизни. Под конец родители предоставили мне выбирать: я могла сделать аборт у того доктора, о котором навела справки моя мать, или же я могла родить ребенка и отдать его в чужие руки. Они мне сказали, – тут Шарон судорожно глотнула воздух, и Тана поняла, что это было самым тяжелым в откровениях подруги, – что я не могу оставить его себе... что завести ребенка в семнадцать лет – значит погубить свое будущее... – Тело Шарон сотрясало от конвульсий. – Сама не знаю, почему я выбрала второй вариант и решилась рожать. Наверное, я надеялась, что Дэнни – отец ребенка – может одуматься... или одумаются мои родители... или случится чудо. Но ничего такого не произошло. Последние пять месяцев я провела в санатории, выполняя все, что нужно, чтобы успешно закончить школу. Ребенок родился 19 апреля, крошечный такой мальчик... – Она вся дрожала. Тана молча взяла ее за руку. – Предполагалось, что я не должна его видеть, но я все же увидела... только один раз... он был такой крохотный... я мучилась родами тринадцать часов... это было неопишимо, а он весил всего шесть фунтов. – У нее были отсутствующие глаза; она думала о малютке сыне, которого никогда больше не увидит... Наконец она опомнилась и посмотрела на подругу. – Я потеряла его, Тэн. – Она вдруг заплакала в голос, как малый ребенок; во многих отношениях она и была еще ребенком, как и ее подруга. – Три недели тому назад я подписала все бумаги, моя мать их оформила... его усыновили какие-то люди в Нью-Йорке. – Она сидела, низко опустив голову, продолжая всхлипывать. – Боже мой! Мне остается только надеяться, что они будут добры к нему... Я не должна была его отдавать, Тэн!.. И ради чего? – Она сердито посмотрела на свою спутницу, будто обвиняя ее во всех своих бедах. – Ради того, чтобы

приехать в этот idiotский колледж и доказывать право других цветных девушек учиться здесь? Когда-нибудь они будут здесь учиться. Ну и что?

– Одно с другим не связано, Шарон. Твои родители хотели, чтобы ты начала жизнь с чистого листа, чтобы ты могла в положенное время иметь семью и детей.

– Они ошибались, как и я сама. Ты не представляешь себе, что я чувствовала, когда возвращалась домой одна, без ребенка... это ощущение ничем не восполнимой пустоты... – Она тяжело вздохнула. – Я не виделась с Дэнни с тех пор, как возвратилась в Мэриленд... Я никогда ничего не узнаю о сыне: где он, что с ним. С тяжелым сердцем я сдала экзамены вместе со своими одноклассниками, и никто не узнал, что творится у меня в душе.

Тана взглянула на нее и покачала головой. Вот они обе стали женщинами. Они много перестрадали, много вынесли на своих плечах. И кто знает, окажется ли их будущее более счастливым. Но одно они теперь знали наверняка: каждая из них имеет друга. Тана стянула Шарон с пня, на котором та сидела, и девушки крепко обнялись; и каждая, смешивая свои слезы со слезами подруги, ощущала сейчас ее боль, как свою.

– Я очень люблю тебя, Шар! – Тана взглянула на Шарон с нежной улыбкой, и та осушила глаза.

– Я тоже...

Они шагали – рука в руке – сквозь безмолвную ночь. Придя к себе, они разделись и улеглись в кровати. Каждая думала о своем.

– Тэн? – позвал в темноте голос Шарон.

– Да?

– Спасибо тебе!

– За что? За то, что я тебя выслушала? А ты выслушала меня – на то мы и подруги.

– Я считаю, что мой отец прав: надо всегда идти вперед.

– Наверное. Только как это сделать? Может, он знает какие-то конкретные способы освободиться от груза прошлого?

Шарон рассмеялась.

– Надо будет спросить его об этом. – Внезапно ей в голову пришла новая идея. – А почему бы тебе не спросить у него самой? Давай поедem к нам на День благодарения.

Лежа в постели, Тана не без удовольствия обдумывала ее предложение. Оно ей понравилось.

– Не знаю, что скажет на это моя мать. – Внезапно мнение матери показалось ей если не совсем безразличным, то во всяком случае менее существенным, чем это было шесть месяцев тому назад. Может, настало время опробовать свои крылья и начать поступать по своей воле? – Я позвоню ей завтра вечером.

– Хорошо. – Шарон сонно улыбнулась и повернулась на другой бок. – Спокойно, Тэн!

Спустя короткое время обе они уже спали крепким сном, гораздо более спокойным, чем в последние месяцы. Тана подложила под щеку ладошки, как это делают маленькие дети. Шарон, точно красивый черный котенок, свернулась в клубок – не разобрать, где руки, где ноги. Казалось, что она сейчас мирно замурлыкает во сне.

Глава 5

Когда Тана позвонила матери и сказала, что не приедет домой на День благодарения, Джин Робертс очень расстроилась.

– Это окончательно, Тэн? – Она не собиралась настаивать на приезде, но ей хотелось видеть Тану. – Ты ведь не очень хорошо знаешь эту девушку.

– Мама! Я с ней живу в одной комнате. Я знаю ее, как никого другого.

– Но, может, ее родители будут возражать.

– Не будут. Она позвонила им сегодня, и они, по ее словам, пришли в восторг от того, что их дочь привезет с собой подругу. – Еще бы им не быть в восторге! Из сообщения дочери Мириам сделала вывод, что она была права: Шарон приняли в «Грин-Хиллз» благожелательно – даже при том, что она там единственная цветная студентка, и теперь она привезет с собой одну из «них» – несомненное доказательство того, как ей там хорошо. Родители не знали, что Тана была единственной подругой Шарон, что во всем Йолане нет ни одного кафе, где ее могли бы обслужить, что за все время после приезда она ни разу не была в кино и что даже в своей кафетерии студентки ее бойкотируют. Но, как сказала Шарон, если бы даже ее мать и знала все это, это не поколебало бы ее уверенности: место Шарон именно там. «Они» должны допустить к себе негров, это время пришло. Для Шарон это было хорошей встряской, в особенности после событий, происшедших годом раньше, и Мириам считала, что это отвлечет ее и не даст сосредоточиться на своих переживаниях. – Они сказали, что будут мне рады, мам.

– Ну хорошо. Только не забудь пригласить ее к себе на рождественские каникулы. – Джин улыбнулась. – У меня есть для тебя приятный сюрприз. Мы с Артуром собирались тебе сказать на День благодарения... – У Таны остановилось сердце: неужели они женятся... Она лишилась дара речи, между тем как ее мать продолжала: – Артур позаботился о том, чтобы ты имела возможность быть представленной нашему обществу вместе с другими дебютантками. Выезд в свет, так сказать. У нас в городе устраивается своего рода котильон³... Ну не совсем так, но что-то похожее, и Артур тебя записал. Все-таки ты училась не в простой школе, моя радость, а у миссис Лоусон... Ты включена в число девушек, выходящих в свет. Это чудесно, правда? – Тана не сразу нашлась что ответить. Ей это совсем не показалось чудесным, а главное, что ее убивало: мать снова пресмыкается перед Артуром... А она-то, глупенькая, вообразила, будто он женится на ней. Как бы не так! «Своего рода котильон»... Черти бы его побрали с этим треклятым котильоном! – Почему бы тебе не пригласить на него и свою новую подругу?

Тана задыхнулась от неожиданности. «Потому что моя новая подруга – темнокожая», – чуть было не сказала она.

– Я спрошу у нее, но мне кажется, что на каникулы она куда-то уезжает. – Дьявольщина! Ей предназначается роль дебютантки. А кто, интересно, будет ее кавалером? Билли Дарнинг? Этот мерзавец?!

– Я вижу, ты не в восторге от этого известия, моя радость? – В голосе Джин послышалось разочарование: мало того, что Тана не хочет приехать домой на День благодарения, она выказывает равнодушие к заботам Артура, понимающего, как много это значит для Джин. Энн начала выезжать четыре года тому назад, ее представили официально на международном балу. Скромный «котильон» в Нью-Йорке, разумеется, не то же самое, но тем не менее он должен запомниться Тане. Это будет чудесно, так, по крайней мере, считала мать Таны.

– Извини, мам. Это так неожиданно...

---

³ *Котильон* (от фр. cotillion) – название старинного танца. Здесь – первый бал молодых девушек из богатых семей.

– Но ведь это приятный сюрприз, правда? – Нет, Тана так не думала. Она всегда была равнодушна к таким вещам, они для нее ничего не значили. Вся эта светская канитель, столь важная для людей из круга Дарнингов, не имела в ее глазах никакой цены. Иное дело ее мать, обожествлявшая Артура уже много лет, с тех самых пор, как влюбилась в него. – Ты должна подумать о том, кто будет тебя сопровождать. Я надеялась, что это сделает Билли. – Сердце у Таны бешено застучало, в груди сделалось больно. – Но он уезжает с друзьями в Европу кататься на лыжах. Счастливчик, он едет в Санкт-Мориц... – «Счастливчик... Он меня изнасиловал, мам...» – Надо подобрать кого-нибудь другого, разумеется, достойного юношу. – Разумеется, достойного... «Сколько насильников имеется среди наших знакомых, мам?»

– Как жаль, что я не могу пойти одна. – Голос Таны на другом конце провода звучал тускло и невыразительно. Джин рассердилась:

– Какие смешные вещи ты говоришь! Ну хорошо, давай прекратим этот разговор! Не забудь пригласить свою подругу, ту самую, к которой ты собираешься поехать на День благодарения.

– Не забуду! – Тана не удержалась от улыбки. Если бы только Джин Робертс знала, что Шарон – цветная! Что бы с ней было, если бы она увидела их вместе на балу дебютанток, который собирается устроить Артур! Тана почти развеселилась, представив себе такую картину. Но вряд ли можно было воспользоваться услугами Шарон для этой цели: там соберутся нетерпимые, чванливые кретины. Она знала, что даже ее мать не сумеет подняться над их узкими взглядами. – Как ты собираешься провести День благодарения, мам?

– Обо мне не беспокойся – Артур уже пригласил нас с тобой в Гринвич на весь день.

– Может, без меня ты сможешь остаться и на ночь? – Ответом ей было гробовое молчание, и Тана пожалела о сказанном. – Прости, мам, я не хотела...

– Нет, ты хотела сказать именно это!

– Положим, но какое это имеет значение? Мне уже восемнадцать лет, я все понимаю... – Перед ее глазами встала огромная серая комната, где... – Извини, если тебе это неприятно.

Джин взяла себя в руки. Конечно, она будет скучать без дочери, но сейчас у нее столько дел, а Тана так или иначе должна приехать домой всего лишь через месяц.

– Будь осторожна и не забудь поблагодарить подругу за приглашение.

Тана невольно улыбнулась: мать напутствует ее, точно семилетнего ребенка. Наверное, так будет продолжаться всю жизнь.

– Я всегда осторожна, мама. Желаю тебе хорошего праздника.

– Спасибо. Я поблагодарю Артура от твоего имени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.